

MILHIST

INFO

История военного дела: исследования и источники
Специальный выпуск X

Азовские походы 1695 и 1696 гг.

ЧАСТЬ I

Санкт-Петербург
2019

Редакция журнала:

К.В. Нагорный

В.В. Пенской

А.Н. Лобин

Редакционная коллегия:

кандидат исторических наук О.В. Ковтунова

кандидат исторических наук А.Н. Лобин

кандидат исторических наук Д.Н. Меншиков

кандидат исторических наук Е.И. Юркевич

Ph.D. Eman M. Vovsi

История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. — Ч. I. [Электронный ресурс]
<http://www.milhist.info/spec_10>

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)5
УДК 94(47).05

Чепухин А.Г. К истории Азовских походов Петра I: «Сергиев город, что на Дону у каланчинских башен»

В конце сентября 1695 г. после неудачных штурмов турецкого Азова войска Петра I сняли осаду и отступили. К частным успехам кампании относится захват каланчей — каменных сторожевых башен на противоположных берегах Дона. Вокруг каланчей русские возвели укрепления и оставили в них гарнизон с воеводой. Левобережную крепость назвали «Сергиевым городом». Страшные испытания выпали на долю защитников: стычки с азовцами, голод, эпидемия, внешняя изоляция... Выжили немногие. При поддержке донских казаков Сергиев выстоял и выполнил отведенную ему роль плацдарма во втором походе — победоносном. В данной статье на основе широкого круга источников, прежде всего архивных материалов, автор прослеживает историю башен-каланчей и пытается определить точное месторасположение исчезнувших памятников.

Ключевые слова: XVII век, Сергиев, Сергиевский, Никоновский, каланча, Азов, Пётр I, воевода, Ржевский, донские казаки.

Автор: Чепухин Александр Геннадьевич. В 1986 г. закончил Куйбышевский политехнический институт по специальности радиомеханик. В настоящее время живёт в г. Тольятти Самарской области, работает в ПАО «КуйбышевАзот» инженером. Автор ряда публикаций по истории г. Валуек и Белгородской черты. Сфера научных интересов: военная история юга России в XVII в. chepukhin62@inbox.ru

Литература, использованная в статье:

Патрик Гордон. Дневник, 1690-1695. — М., 2014.

Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. — СПб., 1861.

Гусач И.Р. К вопросу о датировке археологических сборов на местонахождении «Каланча» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на нижнем Дону. — Азов, 2006. — Вып. 21.

Ногин И. Краткий исторический очерк Донского края. — Новочеркаск, 1914.

Федотов А.В. Алексиано. Панаиоти Алексиано, или Греки Монемваси на службе России. — Екатеринбург, 2016.

Минников Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.) — Ростов-на-Дону, 1998.

Донские дела. Книга первая // Русская историческая библиотека. — СПб., 1898. — Т. 18.

Устрялов Н. Карты, планы и снимки к первым трем томам Истории царствования Петра Великого. — СПб., 1858.

Комолов Н.А. Азовская губерния (1709-1725 гг.): территория и высшие администраторы. — Ростов-на-Дону, 2009.

Михайлов А.А. Первый бросок на юг. Битва за степь. — СПб., 2003.

Перепечаева Л.Б. Очерки истории Азова. Вып. 3 Крепость и посад Азов (конец XVII - начало XX вв.). — Азов, 1995.

Ссылка для размещения в Интернете:

http://www.milhist.info/2019/12/23/chepuxin_2

Ссылка для печатных изданий:

Чепухин А.Г. К истории Азовских походов Петра I: «Сергиев город, что на Дону у каланчинских башен» [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2019. — Специальный выпуск X. Азовские походы 1695 и 1696 гг. — Ч. I. — С. 23-68 <http://www.milhist.info/2019/12/23/chepuxin_2> (23.12.2019).

Chepukhin A.G. To the history of the Azov campaigns of Peter The Great: "Sergiev City on the Don near the lookout towers"

At the end of September 1695, after the unsuccessful assaults on Turkish Azov, the troops of Peter the Great lifted the siege and retreated. Particular successes of the campaign include the capture of kalanchas-lookout towers - stone watchtowers on the opposite banks of the Don. Around the tower, the Russians erected fortifications and left a garrison with the governor in them. The left-bank fortress was called the "Sergiev city". The defenders of garrison experienced a lot of challenges: skirmishes of the Azovites, hunger, an epidemic, external isolation... Few survived. With the support of the Don Cossacks, Sergiev withstood and fulfilled the role assigned to it as a bridgehead in the victorious second campaign. In this article, based on a wide range of sources, primarily archival materials, the author traces the history of the lookout towers and tries to determine the exact location of the disappeared monuments.

Key words: seventeenth century, Azov, Don, Peter the Great, Sergiev, Sergievsky, Nikonovsky, kalancha, governor Rzhevsky, cossacks.

About the author: Chepukhin Alexander Gennadevich. In 1986 he graduated from the Kuibyshev Polytechnic Institute with a degree in radio mechanics. Currently, he lives in Togliatti, Samara Region, works as an engineer in KuibyshevAzot. He is the author of a number of publications on the history of the Belgorod line. His research interests include a military history of the South of Russia in the seventeenth century. chepukhin62@inbox.ru

References:

- Patrik Gordon. Dnevnik, 1690-1695 [Patrick Gordon. Diary, 1690-1695]. — M., 2014.
- Laskovskij F.F. Materialy dlja istorii inzhenernogo iskusstva v Rossii [Materials for the history of engineering art in Russia]. — SPb., 1861.
- Gusach I.R. K voprosu o datirovke arheologicheskikh sborov na mestonahozhdennii «Kalancha» [On the question of Dating archaeological collections on the location of "Kalancha"] // Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na nizhnem Donu. — Azov, 2006. — Vyp. 21.
- Nogin I. Kratkij istoricheskij ocherk Donskogo kraja [A brief historical sketch of the don region]. — Novocherkassk, 1914.
- Fedotov A.V. Aleksiano. Panaioti Aleksiano, ili Greki Monemvasi na sluzhbe Rossii [Alexian. Panaioti of Alexiana, or the Greeks Monemvasia in the service of Russia]. — Ekaterinburg, 2016.
- Mininkov N.A. Donskoe kazachestvo v jepohu pozdnevekov'ja (do 1671 g.) [Don Cossacks in the late middle ages (before 1671)] — Rostov-na-Donu, 1998.
- Donskie dela. Kniga pervaja [Don Affairs. Book one] // Russkaja istoricheskaja biblioteka. — SPb., 1898. — T. 18.
- Ustrjalov N. Karty, plany i snimki k pervym trem tomam Istorii carstvovanija Petra Velikogo [Maps, plans and pictures to the first three volumes of the History of the reign of Peter the Great]. — SPb., 1858.
- Komolov N.A. Azovskaja gubernija (1709-1725 gg.): territorija i vysshie administrator [Azov province (1709-1725): territory and higher administrators]. — Rostov-na-Donu, 2009.
- Mihajlov A.A. Pervyj brosok na jug. Bitva za step [The first throw to the South. The battle for the steppe]. — SPb., 2003.
- Perepechaeva L.B. Ocherki istorii Azova. Vyp. 3 Krepost' i posad Azov (konec XVII - nachalo XX vv.) [Essays on the history of Azov. Vol. 3 Fortress and a Posad, Azov (the end of XVII - beginning of XX centuries)]. — Azov, 1995.

Internet link:

http://www.milhist.info/2019/12/23/chepyxin_2

Reference:

Chepukhin A.G. To the history of the Azov campaigns of Peter The Great: "Sergiev City on the Don near the lookout towers" [Electronic issue] // History of military arts: researches and sources. — 2019. — Special edition X. The Azov campaigns 1695 and 1696. — Vol. I. — P. 23-68 <http://www.milhist.info/2019/12/23/chepyxin_2> (23.12.2019).

А.Г. Чепухин

К ИСТОРИИ
АЗОВСКИХ ПОХОДОВ
ПЕТРА I:
«СЕРГИЕВ ГОРОД,
ЧТО НА ДОНУ
у КАЛАНЧИНСКИХ
БАШЕН»

Город Сергиев. Воевода Аким Ржевский

В XVII в. в трёх верстах от Азова на противоположных берегах реки Дон стояли массивные каменные сторожевые башни, так называемые каланчи. Возвели башни турки для защиты от донских казаков в 1660 г., левобережная называлась «Шахи», правобережная — «Султанье». На стругах и чайках казаки выходили в Азовское и Чёрное моря и совершали набеги на турецкие и крымские селения. Во время первого похода Петра I на Азов в 1695 г. каланчи препятствовали проходу русских судов в море, тем самым давая возможность Азову получать помощь от турецкого флота. В силу своего положения каланчи угрожали тылу войска, осаждавшего Азов, блокировали подвоз по реке воинских припасов и продовольствия к лагерю русских. Овладение каланчами для русских являлось одной из первоочередных задач. В своём дневнике генерал Патрик Гордон подробно описал штурм и взятие турецких башен. 14 июня 1695 г. за час до рассвета казаки при поддержке одного из солдатских полков внезапно атаковали ближнюю к Азову каланчу. Взорванная петарда не оказала никакого действия на железные ворота. Казаки мотыгами проделали широкий лаз в одной из орудийных бойниц и проникли внутрь башни. Турки отстреливались и бросали на атакующих камни. Бой продолжался около часа, и гарнизон каланчи вынужден был сдаваться. Некоторые турки бросились в реку и утонули, убежал только один человек. Добыча победителей составила 15 орудий разного размера, несколько бочек пороха и боевые припасы. После занятия левобережной башни казаки развернули

пушки на другую башню и начали её обстрел. На предложение русских сдаться турки ответили отказом. Ночью 16 июня турецкий гарнизон, боясь оказаться в окружении, покинул правобережную каланчу, оставив 20 пушек и боевые припасы. По слухам первой победы в лагере русских была «великая радость, во всех полках стреляли». На следующий день после взятия каланчей Пётр I и генерал П. Гордон посетили каланчи. Водный путь по Дону оказался свободен, много лодок с припасами сразу пришло к каланчам. 18 июля на военном совете П. Гордон предлагал взвести форт напротив Азова и обстреливать город с той стороны, а также доделать и укрепить каланчинские башни. Предложение по каланчам было «взято на размышление». Сначала русские приступили к постройке наплавного моста через Дон до Каланчёва острова. 18 августа П. Гордон приехал к Петру I, ставка которого после взятия находилась при каланче, и убедил государя в укреплении обеих башен земляным валом. По приказу для этой цели были выделены по 200 человек от каждой из трёх армий. Через два дня форт вокруг левобережной каланчи разметили и начали сооружать «3 полных болверка (бастиона), 2 полуболверка со стороны реки и реданы (выступы) между ним и рекой»¹. Гордон лично контролировал ход строительства, настаивал на ускорении работ и увеличении числа рабочих. Татары и турки неоднократно пытались препятствовать, атакуя каланчи с суши. В конце августа генерал отметил, что работы продвигаются хорошо. 12 сентября начали строить склады для провизии и помещения для солдат. Через три дня Гордон приказал перенести амбары и помещения, ибо расположены они неверно. В каланче регулярно проводились военные советы. На одном из них 28 сентября было принято решение о снятии осады Азова и отходе генеральских полков.

Укреплённые каланчи назвали «Новосергиев город» или «Новопостроенный Сергиев город» — в честь святого Сергия Радонежского. В грамотах и переписке того времени чаще использовался сокращённый вариант — «Сергиев город» или просто «Сергиев», иногда с уточнением местоположения — «что на Дону у каланчинских башен». Первое время Сергиевым называли левобережную часть укреплений, а правобережную — «другой город». В Сергиеве были оставлены 3000 ратных людей с воеводой Акимом Яковлевичем Ржевским. Их задача заключалась в охране и обороне городов и каланчей от неприятелей.

Раздраженные азовцы, несомненно, хотели выбить русских и вернуть каланчи обратно. Ни воевода, ни ратные люди не предполагали, какие испытания ждали их зимой. Дожили до прихода весной русских войск далеко немногие, в том числе и сам Аким Ржевский.

В Москве осознавали значимость захваченного плацдарма для предстоящего в следующем году похода. В декабре 1695 г. в Разрядном приказе приняли решение о военной помощи и усилении оставленного на Дону гарнизона. Перво-наперво в Сергиев должны были отправиться Старооскольский солдатский полк под командованием полковника Емельяна Емельянова сына Шлипембаха², 1231 человек, и Тамбовский полк с полковником Томасом Юнгороm, 1000 человек. Российское правительство очень рассчитывало на помощь донских казаков. Атаману Фролу Минаеву и всему Донскому войску был послан государев указ о службе: оберегать Сергиев и каланчи от нападения неприятеля, не допустить их захвата и разорения.

В Москве ждали и внимательно следили за вестями с низовьев Дона. Сообщения поступали в столицу регулярно, 2–4 раза в месяц. Из Сергиева в Разрядный приказ доставили почту стрельцы: 9 и 31 декабря, 7 и 28 января, 2, 9, 16, 24 февраля. Один раз почту привёз донской казак Леонтий Поздеев. Случалось, что стрелец после отдачи письма в Разрядном приказе куда-то исчезал (сбегал), и его потом не могли найти. Дорога была дальняя и опасная для жизни, не каждый соглашался ехать. Приходилось в обратный путь с ответом посыпать другого гонца³.

Осень и начало зимы прошли в стычках донских казаков и сергиевского гарнизона с азовцами. Так, 1 января конница и пехота войска Донского ходили под Азов «для воинского промыслу над неприятельскими людьми». По общему договору с воеводой Сергиева А. Ржевским казаки «по своей казачьей обыкности пристойные места зажгли». В это же время к Сергиеву приходили турки с татарами и в схватке ранили 7 ратников гарнизона. Казаки вступили в бой с неприятелем и не дали увести в плен раненых. Преследуя противника до самого Азова, донцы захватили знатного азовского татарина. Пленника отправили в Москву. Из его допроса стало известно, что крымский хан отпустил из Крыма в Азов сultана Шабан-Гирея и с ним 900 еманов, пеших воинов. В Тамани, Керчи и других близких городах стоят в готовности Муртаза-паша с братьями и с пешими янычарами. Их прибытия азовцы

ожидают вскоре. Пехота паша доставит в город на арбах казну, хлебные запасы, 20 мозжеров (мортир) с мастерами. От Ногайской орды (*имеются в виду татары, кочевавшие по Кубани.— А. Ч.*) и черкес придут скоро в Азов «большим собраньем» конница с другим султаном, Капланом-Гиреем. От крымского хана ногайцы получили приказ о штурме Сергиева, «мозжерами город зажечь». Из Царьграда (Стамбула) в Азов после схода льда ожидалось прибытие турецкого войска. По полученным вестям из Черкасского послали в Сергиев на помощь 400 казаков. Им был дан наказ стоять и держать оборону от неприятельских людей «не щадя голов своих». Казаки опасались, что большие силы неприятеля придут к Черкаску и зажгут государеву пороховую казну. Для её охраны они выставили 200 человек.

Сведения от донских казаков о военных приготовлениях турок подтвердил воевода Сергиева Ржевский. Он писал в Москву, что в разных числах декабря и января из Азова вышли 6 невольников. Полонянники ему рассказали, что в январе в Азов из Царьграда от султана пришёл паша с конными и пешими воинами. Когда дождутся они пороховой казны, мортир, бомб, пушек и гранатчиков, то сразу начнут «прыстнуть» к Сергиеву. Воевода Ржевский сетовал, что давать отпор неприятелю некому, в городе осталось мало ратных людей. Проехать из Сергиева в Черкасский стало трудно, посыпать гонцов за помощью ему некого. Царь Пётр 4 февраля отправил на Дон грамоту, в которой атаманов и казаков «милостиво похвалил» за помощь Сергиеву и охрану пороховой казны. «А служба ваша и раденье у нас, великого государя, в забвении не будет, в том бы вам на нашу, великого государя, милость быть надежным. А наше, великого государя, жалованье для той службы к вам, атаманом и казаком, на Дон послано... А наши, великого государя, ратные люди с Москвы для того же воинского промыслу над неприятели к вам на Дон посланы же»⁴. Государь написал казакам, чтобы они из войска послали в прибавку оставленным в городе и каланчах ратным людям своих казаков, «сколько человек пристойно». Им повелевалось сообща давать отпор и оборонять город и каланчи «с великим радением, сколько Всемилосердный Господь Бог помои подаст» до прихода московских и городовых полков. А если Сергиев будут осаждать большие неприятельские силы, то идти на подмогу всему Донскому войску. «А будет от неприятелей, сохрани Боже, Сергиеву

и каланчам учинится взять или иное какое разрушение, и то все при-ченено будет в ваше нерадение». Государь призвал казаков Черкасска написать от себя к атаманам и казакам верхних городков, чтобы они без промедления шли на помощь.

В отписке, посланной в Москву после 25 января, А. Ржевский рассказал о совершенно бедственном положении своего гарнизона. Воевода знал, что к нему в Сергиев послан для подкрепления Старо-оскольский полк солдат. Но в каких местах он находится в дороге и когда придёт, того никто не ведал. В словах воеводы прослеживается подавленность духа и отчаянье. В городе началась эпидемия, многие ратные и начальные люди заболели цингой и «мытом» (мыт — острое инфекционное заболевание лошадей, передавалось людям через мясо. — А. Ч.) и умерли. Почти не осталось в живых пушкарей и гранатчиков, стрелять из пушек и мортир стало некому. «*А которые ратные люди, бутто и здоровые, и те все обезсили и одряхлели*», — писал воевода. Земляные сооружения города нуждались в ремонте, роскаты и бойницы по стенам во многих местах развалились от частых дождей. Организовать строительные работы по причине нехватки людей воевода не смог. Лекарей и лекарств в Сергиеве не оказалось. По государеву указу было велено прислать лекарей из Черкасского. Но они услышались указа и уехали в Москву. Денежную казну, присланную из Черкасского, Ржевский раздал на жалование ратным людям. Но где им и что можно было купить на эти деньги? Солдаты и стрельцы стали «наги и боси». Воевода бил тревогу, что если в скором времени ратным людям перемены не будет, то до Великого поста их останется самое малое число. В Азов пришли Муртаза-паша кафинский, султаны и Кубек-ага кубанский с конницей и пехотой. Конница их сразу после прибытия отправилась в военный рейд под украинные русские города. Ржевский не без оснований опасался: «*И я, холоп ваш, их босурманскому наме-рению, приступному приходу к Сергиеву городу, жду в скорых числах, всегда... А неприятельские, государи, люди из Азова города к Сергиеву городу и к другому городу каланчинской башне бывают по вся дни наг-ло, видя наше малолюдство, и от дров нас и от стругов отбивают, ругаясь с нами всегда*». Если к Сергиеву будет приступ больших сил, то держать оборону и давать отпор он не сможет. Фрол Минаев и войско Донское прислали на помощь мало людей. Объяснили это тем, что

посылать некого, многие казаки поехали конницей по степям. В Черкасском к тому же, по вестям из Азова, ждали прихода неприятельских людей — свой город тоже надо защищать. С верхних городков подмоги им «в скорых числах» не предвиделось. Послать при острой необходимости за помощью из Сергиева воеводе было некого, да и невозможно: басурманские разъезды перекрыли все дороги. Из Черкасского к Ржевскому смогли тайно пробраться только знающие «камышники», камышами и болотами. Снова и снова воевода обращал внимание государей, что без прибавочных ратных людей Сергиеву не выстоять. Если прибавочные ратные люди придут вскоре, то стоять им можно на улице, так как зимних морозов и снега под Азовом нет, тепло и дождливо. Последние слова воеводы в отписке о служебном долге и чести эмоциональны и достойны уважения: *«Служу и работаю как Богу, так и вам, великим государям. Да мочи моей, холопа вашего, никакой над неприятельми за малолюдством нет. А естли, государи, что учинитца над вашими государственными городами, Сергиевым, за малолюдством, и за болезнью, и за безсилием ратных людей какими их басурманскими злочитрьими намерением, чтоб моему, холопа вашего, родишку от вас, великих государей, в опале и в подозрении меж своей братии не быть. И я, холоп ваши, до самой своей последней крови за вас, великих государей, готов голову положить... А естли, государи, что я писал в отписке своей к вам, великим государям, что ложно, для какой своей перемены, а сыщетца та моя неправда, велите мне, холопу вашему, указ учинить, как ваша, великих государей, воля надлежит. И доношу в сей отписке к вам, великим государям, видя вашу государственную неизреченную к себе милость, чтоб будучи на ваших, великих государей, службах служить и работать вам, великим государям, с усердием, а неприятеля б до какова случая злочитренного не допустить»*⁵.

В Разряде сдержанно отреагировали на вести из Сергиева. Решение по усилению гарнизона было принято ранее, на его исполнение требовалось время. Воеводе А. Я. Ржевскому 12 февраля была послана грамота: *«И велено тебе, будучи в Сергиеве городе, впредь нам, великому государю, служить, и того города и ратных людей от неприятельских людей оберегать со всяким усердным радением. Да и полку своего ратным людем, будучи в том городе Сергиеве, наш, великого государя, указ скозать, чтоб они нам, великому государю, служили со всяким*

усердным радением и на нашу, великого государя, милость были надежны». Защитные сооружения было приказано починить ратным людям, находящимся в городе. В Аптекарский приказ послали из Разряда память, чтобы направили лекаря и лекарства в Сергиев. Дьяк Степан Ступин, подписавшийся под грамотой, напомнил Ржевскому, что в прибавку гарнизону Сергиева посланы с Волуйки Старооскольский полк с полковником Шлипембахом, из Тамбова полк с полковником Юнгорою с пушками и всякими воинскими припасами. Полки находятся в дороге, и вскоре придут в Сергиев. Помимо двух полков велено быть «для промыслу» под Азовом ратным людям шести белгородских полков с генерал-майором К. Ригимоном, полковниками и начальными людьми, всего 10122 солдат, с пушками и полковыми припасами. Полки также вскоре придут на Дон, «по зимнему пути». Фролу Миняеву с донскими казаками из Разряда и Посольского приказа послали грамоты, чтобы они от неприятельских людей Сергиев оберегали и воеводе Ржевскому в воинском деле оказывали помощь⁶.

Боярин Т.Н. Стрешнев учил указ о даче хлебных запасов в Сергиеве тамбовским солдатам. Ржевского известили, чтобы он полковника Томаса Юнгора с тамбовским полком по приходу принял и «хлебные запасы и съясные и питейные кормы им, салдатом, давал против их братьи, будущих в том городе ратных людей». Когда полк придёт в Сергиев, с какого числа и сколько кормов воевода раздаст, о том следовало сообщить в Москву. Полку Юнгора велено оставаться до прихода главных сил в Сергиеве⁷. Такой же приказ о выдаче довольствия поступил Ржевскому по солдатам полка Е. Шлипембаха.

Вырваться через сторожевые посты Азовской крепости удавалось немногим пленникам. У кого это получалось, тот стремился добраться до ближайшего Сергиева, чтобы оказаться под защитой государевых людей. Большинство невольников были христианской веры — русские, черкасы, сербы, греки. Их расспрашивали про обстановку в Азове, вести потом отсылали в Москву. Информацию в столице проверяли, анализировали. Выходцев на всякий случай рекомендовалось отпускать на волю не сразу, а держать под караулом до государева указа (вдруг, кто-то из них оказался специально засланым и принёс заведомо ложные вести). Людей, давших особо ценные сведения о противнике, переправляли в Москву.

29 января 7204 (1696) г. умер царь Иоанн Алексеевич, Пётр стал единственным правителем России. Ещё какое-то время воеводы городов писали донесения о службе на имя двух государей. 3 февраля воевода Ржевский послал в Разрядный приказ очередную отписку с вестями от азовского выходца и о состоянии дел в Сергиеве. В Разряде её получили 16 февраля. В который раз воевода сетовал государям, что в Сергиеве осталось мало людей, давать отпор неприятелю, оборонять город и сидеть «во всякой осторожности» ему не с кем. От полковника Шлипембаха нет никаких вестей. Больных в городе становилось всё больше, облегчения им от болезней не наступало, многие умирали. 2 февраля караульные Сергиева, ратные люди и донские казаки, наблюдали погоню из Азова. Конные татары по льду Дона гнались за всадником на лошади. В камышах они настигли всадника, один татарин ранил его саблей в плечо и рассёк голову. Караульные выбежали из города и отбили у неприятеля азовского беглеца. В приказе разрядных дел перед воеводой А. Ржевским спасённый мужик назывался Урмаметкой Савельевым, родом башкирец, жил раньше в Уфе. В октябре прошлого года, когда ушли из-под Азова генеральские полки, он со своим товарищем остался в Черкассном. Лошади у них померли, возвращаться домой не на чем. Пошли они к Азову, чтобы украсть лошадей и на них ехать домой. Так башкирцы оказались в приморской крепости. Стали они жить у Асан-бяя и работать на него. Товарищ Урмаметки вскоре умер. Пошёл Урмаметка на Дон лошадей поить, сел на коня и поскакал по льду к Сергиеву городу. Так он попал к русским. Из военных новостей башкирец сообщил воеводе, что в Азов пришли «силы прибыльныя», много конных и пеших людей: султаны — 13 января, Кубек — 16 января, Муртаза-паша — 18 января, турецкий Осеки-ага с янычарами — 19 января (султан Шахан-Гирей (Шабан) — сын хана, нурэддин, командующий крымским войском; Каплан-Гирей — сын хана Селим-Гирея, сераскир Кубанской орды; Кубек-ага — кубанский военноначальник; Муртаза-паша — визирь из Кафы.— А. Ч.). В конце января в Азов прибыли 500 арбов (тегел) с припасами и янычарами. Численность войск неприятеля башкирец точно не мог назвать, говорил, что «многолюдно». Видел Урмаметка, как конница Кубека и султанов перебралась через Дон и пошла к Лютику. Пехота Муртазы-паши и Осеки-аги осталась в Азове. К Муртазе-паше пришёл приказ о поездке в Керчь,

Тамань, Темрюк, Кафу, Бахчисарай и другие крымские города. 30 января он уехал, оставив вместо себя родного брата Тимиршу-пашу. Далее в расспросе башкирец сказал: «*А к Сергиеву де городу они, азовцы, приступать будут, конечно, и к другой каланче. А затем де и мешкают, что де пошли салтаны и Кубек в Русь для языков. А которово де числа они, салтаны и Кубек, будут из Руси в Азов, то де тотчас у них и промысл будет над Сергиевым и над баинями. Пехота де у них тонерево в Озое свежая и выбрана добрая*»⁸. Урмаметка сообщил, что в Азов свозят порох, свинец, мозжеры, бомбы, пшеницу. Весной ожидали прибытия по морю большого подкрепления из Стамбула. Послать башкирца в Москву не представлялось возможным, поэтому воевода приказал держать его под караулом. В Москве с тревогой следили за наращиванием неприятельских сил в Азове. Татары и турки знали, что весной к Азову придут русские войска. К предстоящей войне готовились с обеих сторон.

Ничего нового в ответной грамоте из Разряда воеводе Ржевскому не сообщали. Ему было наказано служить и далее «*с великим бережением и осторожностью*», давать отпор неприятелю и оберегать город Сергиев. Полк Шлипембаха вышел из Волуйки 26 января, полк Юнгора — из Тамбова. И генерал-майор Ригимон с полками вскоре отправится в поход на Дон, «*и в дороге им велено итти с великим поспешением*»⁹.

По вестям от башкирца из Разряда послали указ на Дон. Атаманам и казакам верхних и нижних городков, войсковому атаману Фролу Минаеву и всему войску Донскому приказано городу Сергиеву, Акиму Ржевскому с ратными людьми «*споможение чинить войсковыми казаками с великим усердием и радением, и как написано в прежних наших, великого государя, грамотах, чтоб над тем городом от неприятельских людей какова поиску не учинилось*»¹⁰.

8 февраля в Сергиев пришёл из Азова «*родом Сербской земли Сайленко Николаев сын*». После расспроса серба Аким Ржевский отправил в Москву донесение, в столице его получили 24 февраля. Воевода вновь извещал о бедственном положении Сергиева, что ратных людей осталось самое малое число, оборонять город ему не с кем. Ратные люди стоят в караулах «*по кватерам*» по семь-восемь суток без перемен, переменить их посutoчно некем. «*И от того ратным людем*

*учинилось дурнство, и от беспокойства такова многие помирают, в день человек по трицати... А атаман Фрол Минаев и все войско Донское в воинском деле споможение чинят малыми людьми, потому что людей прислать ис Черкасского некого, для того что многие люди поехали конницею по степям... А казаков ис Черкасского прислано только сто пятдесят человек». Неприятельские люди совсем осмелели, приезжали к Сергиеву, в камышах рубили струги и отвозили к себе в город. Досками от стругов они укрепляли земляные валы и роскаты. Строительные работы азовцам вести стало удобно, потому что русские из-за болезней и малолюдства не препятствовали, достойного отпора не давали. Воевода обращал внимание, что зимы под Азовом нет, стоят тёплые дни. Дон вскроется от льда дней через пять, неделю. А это означало, что по реке к Азову могут вскоре прийти турецкие корабли. «*А естли что учинитца над твоими, великого государя, городами за малолюдством и за безсилием твоих, великого государя, ратных людей каким их босурманским злохитрым намерением от их босурманских приступов, чтоб роду моему от тебя, великого государя, и от своей братии в подозрении не быть и в опале*»¹¹. Это была последняя отписка и последние слова стольника и воеводы А. Я. Ржевского, 24 февраля он умер. Он неоднократно писал, проявляя заботу о своих подчинённых полковых командирах и рядовых солдатах. И ни разу не обмолвился о своём здоровье и тяготах бытия. В Москве о его смерти узнали через почту 8 марта.*

Царь и правительство, несомненно, хотели удержать Сергиев. Но оказать быструю помощь городу из-за дальности расстояния было невозможно. В Разрядном приказе понимали, что реальную военную поддержку в сложившейся ситуации могли оказать только донские казаки. По последним докладам Ржевского в Москве сделали вывод, что Фрол Минаев хитрит и уклоняется от посылки в Сергиев большего числа казаков. По этому поводу 2 марта из Разряда на Дон Минаеву была отправлена грамота: «*И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б, войсковой атаман, и все войско Донское, служа нам, великому государю, в Сергиев город к стольнику нашему и воеводе к Акиму Ржевскому для бережения города послал прибавочных казаков, сколько человек ему будет надобно. А буде, чаетъ их басурманского приходу к Сергиеву городу и во время приступу, со всем своим войском*

Донским шли в Сергиев на отпор неприятельских людей, и Сергиев от них, босурман, одноконечно уберечь, и в их бусурманские руки не дать»¹². В Черкасский было выслано государево денежное жалование. Фрол Минаев с товарищами деньгам порадовались и сказали, что будут за Сергиев стоять все головами.

После смерти воеводы А. Я. Ржевского временное командование гарнизоном Сергиева взяли на себя полковники Федот Толбугин, Юрий Буш и полуполковник Дмитрий Лежнев. В донесении, отправленном в Разряд в конце февраля, они сообщили, что полковник Шлипембах, тамбовские солдаты и белгородские полки в Сергиев до сих пор не пришли. Хлебные запасы по причине малого числа людей в городе израсходованы не все. Наличный хлеб полковники смерить не смогли, потому как он весь «помоклой». Ратных людей в городе осталось совсем немного. «А которые остались живы, бутто и здоровые, и те все обессилили». Давать отпор неприятелю и оборонять Сергиев некому. Обо всём этом ранее неоднократно докладывал в Москву воевода Ржевский. На помощь гарнизону Сергиева атаман Фрол Минаев и всё Донское войско 16 февраля прислали 600 казаков. Накануне, 15 февраля в 4 часа утра, ратные люди, стоявшие в карауле на роскате, увидели человека и стали его окликать. Солдаты его задержали и доставили в город в приказ разрядных дел к воеводе Акиму Ржевскому. Значит, 15 числа воевода был ещё жив и находился на службе. При расспросе выходец назывался Андрюшкой Васильевым сыном, по рождению итальянцем, из города Венедитца Заиде. В прошлых годах ходил Андрюшка по морю на фуркатах «банбандером» (*артиллеристом при больших пушках, стреляющих бомбами.— А. Ч.*) в разные города для выбора бомб и мозжеров (мортир). В январе он пришёл в Азов вместе с Капечи Бази-пашой и Осеки-агой, с конными и пешими янычарами. Послал его «бомбы бросать» визирь. Временно на службу определили его в пороховой погреб. Замыслил итальянец уйти из Азова «на великих государей имя в православную христианскую веру, потому что он, Андрюшка, христианин». Часа за два до вечера вышел он из Азова в шанцы, присматриваясь как бы по ним уйти. Когда смерклось, побежал из шанцев степью к Сергиеву городу. Из Азова пустили за ним в погоню конницу. Андрей всё же успел добежать до роската, где его заметили русские караульные. Итальянец сообщил, что за два дня

до его ухода пришли в Азов из Руси султан-мурза и Кубек с ордой, привезли много «ясыря» — пленных мужчин, женщин и малых детей. Далее в протокол расспроса итальянца записали: «*А в валу де земляном близко каменного города делают ныне шанцы, и по тем шанцам поставили пушки по местам, где прилично, и роскаты делают по земляному городу выше старых, и земляной город крепят всякою крепостью. А к Сергиеву городу они, азовцы, конечно, приступать будут и к другой каланче в скорых числах. А нынеча в Азове городе сколько пороху и свинцу и сколько бомбов и мозжеров числом привезли, про то сказать не ведает. А пишицу де у них в Азове ныне навезено много, всего без нужды. А как де Дон река разойдетца, и то де водяным путем еще в прибавок в Азов город из Царяграда и ис Крыму силы будут в скорых числах. И весут де с собою пушки и мозжеры и бомбы многое число*»¹³.

9 марта из Разряда в Сергиев к Толбугину, Бушу и Лежнёву была послана грамота. В очередной раз велено, чтобы они вместе с донскими казаками город берегли и защищали «*со всяким усердием и прилежным радением*» до прихода солдатских полков. В воинском деле полковникам иметь меж себя совет и согласие. Розни между ними никакой быть не должно, чтобы «*несстроения какова не учинилось*». Войскового атамана Фрола Минаева и всё войско Донское государь «*милостиво похвалял*» за службу, что они в Сергиев отправили на помощь 600 казаков. Велено им и впредь великому государю служить и в город Сергиев казаков посыпать¹⁴.

Командование хотело направить нового воевода в Сергиев. Боярину А. С. Шеину, который был назначен главнокомандующим войск во втором Азовском походе, предлагали найти кандидатуру из находящихся в Волуйке командиров. Но в те же дни генерал-майор К. А. Ригимон получил приказ о срочном выходе из Волуйки на Дон. Из Разряда написали в Сергиев, чтобы полковники Толбугин, Буш и полуполковник Лежнёв продолжали ведать городом до прихода Ригимона. Генерал-майору по прибытии следовало принять город и управлять им до прихода боярина и воеводы А. С. Шеина. Полковникам велено подчиняться Ригимону и сообща защищать город от неприятельских людей¹⁵.

Длительное отсутствие вестей с Дона вызывало в Москве тревогу. Толбугину, Бушу и Лежневу сделали предупреждение: «*И вы*

марта по 31 число не писывали и ведомости о том никакой не чините, и то вы делаете негораздо». Впредь им было приказано о всяких новостях в Сергиеве и о неприятельских людях писать почаше¹⁶.

Азовцы не решались до прихода турецких кораблей с подкреплением нападать на Сергиев. Усиленный 600 донскими казаками гарнизон мог дать достойный отпор. Штурм постоянно откладывался. Время работало на русских. Ночью 22 марта, часа за три до рассвета, в лодке по Дону приплыли к Сергиеву два невольника. Ратные люди привели задержанных в приказ разрядных дел, где их порознь расспросили. Один из невольников, Клим Афанасьев сын прозвище Рыжков, оказался казаком из Тулы. В прошлых годах ордынцы пленили его на Торе, привели в Азов и продали турку Узумаметке Чебижину. Жил Клим в Азове и работал на турка «всякую работу» восемь лет. Два месяца назад хозяин поневоле обасурманил Клима в свою веру. Не смирился с таким насилием Клим. Ночью, когда хозяин лёг спать, он и его товарищ Сенька Васильев тайно вышли из куреня, перелезли через каменный город и земляной вал, спустились к реке и в лодке по Дону поплыли вверх к Сергиеву. Об обстановке в Азове Клим рассказал следующее. На помощь азовскому гарнизону пришли 1000 и больше человек пехоты под началом Капечи-бashi. С собой в Азов они привезли телег тридцать пороха, пятнадцать свинца и двадцать телег лопат и мотыг. Всего в Азове находится с тысячи четыре конных и пеших вооруженных людей. В марте месяце пришли в город два корабля с припасами. Азовцы починили каменный город, старый земляной вал досыпали и сделали больше старого, укрепили роскаты, вырыли шанцы от каменного города к земляному, расставили везде пушки. Всего пушек в Азове — с пятьдесят, мозжеров — шесть. Кубек-ага пошёл из Азова на Кубань. А Муртаза-паша со своими людьми ушёл в Крым. Водный путь освободился ото льда, и в ближайшее время в Азове ждали подкрепления с моря. По суще идёт конница. Как только в город прибудет помощь, то они сразу начнут штурмовать каланчи и Сергиев. Азовцы хотели их отвоевать до конца марта — начала апреля, чтобы закрыть проход русским войскам по реке к Азову. Татары и турки на взятие каланчей были настроены решительно — это Клим слышал от местных жителей и начальных людей Бея-аги. К осадному сидению азовцы свой город «укрепили великою крепостию», потому что

никаких помех от государевых людей зимой не было. В конце рассказа Клим поведал об опасениях местных жителей: если государевы люди поспешат и придут раньше, чем помочь азовцам, тогда они покинут, побегут все из города. Второй невольник жил с Клином у одного хозяина и при расспросе сказал те же речи, слово в слово¹⁷.

Возникает вопрос: почему Кубек-ага и Муртаза-паша со своими людьми уходили из Азова? Объяснение находим в следующем документе. 25 марта в Воронеж с Дона нарочные станичники, донские казаки Ефрем Петров с товарищами, доставили важную депешу от атамана Фрола Минаева и войска Донского. Они писали, что в конце февраля-начале марта к донским казакам пришли из Кубанской (Ногайской) орды «знатные выходцы», их же донские казаки. Они рассказали своим братьям о замыслах врага, «злохитром неприятельском намерении». Каплан Гирей-султан и Кубек-ага с ордой совершили набег на Русь и взяли под украинными городами много «языков». От плеников они узнали о планах русских в предстоящем в 1696 г. низовом походе под Азов, что подданный государя гетман И. С. Мазепа и боярин Б. П. Шерemetев со всеми украинскими полками пойдут в Крымские места, а московские ратные люди с конницей к Азову. Кубанские ногайцы «с пристрастием» выспрашивали «языков», пойдут ли на Азов вместе с московскими войсками калмыки Аюки-тайши и башкирцы? Все плениники в одно слово ответили: «Подлинно не будут». После этой новости по всей орде откровенно радовались и говорили, что без калмыков и башкирцев они управятся с московской конницей. Прежде у ордынцев была иная весть. Печалились они от того, будто по указу царя Аюка отпускает своих людей в низовую службу под Азов под командованием Мункотемира, сына тайши Солом-Сереня, и сына своего батыра Чардар-чапа. Не полностью доверяя данным от плеников, ногайцы послали к Аюке-тайше гонцов. Кубек-ага лично собирался ехать и договариваться с калмыцким правителем. Выходцы сказывали казакам, что ногайцы очень боятся калмыков и башкирцев. Во время первой осады все полонянники были вывезены из Азова на реку Кагальник в коши конной орды. Ногайцы «опаску великою имели» и постоянно ожидали нападения калмыков и башкирцев, лошади у них по ночам в кошах всегда стояли оседланы. Набеги калмыков вынуждали ногайцев перекочевывать с обжитых мест и искать новые места за Кубанью.

Донские казаки думали о предстоящей войне и считали нужным привлечь к участию в ней калмыков и башкирцев. «*А им, казаком, от Аюкиной орды от многих калмык знатно, что и сам Мункотемир обещаетца всеусердно ему, великому государю, к нынешней службе быть с ордою. Только ожидают ево, великого государя, указу. Да и ныне де многие калмыки охотою непрестанно приходят к ним на Дон, которых они обнадеживают ево, великого государя, милостию и жалованием, и оскудя себя, честь им воздают по своей воинской обыкности.*

Атаманам и казакам стало известно от полонянников, что в Керчи и Тамани собралось большое скопление турецких судов со всякими припасами. Ожидают они «морского ходу» и хотят прийти к Азову раньше государевых ратных людей. По этим вестям атаманы послали в Сергиев из войска казаков «знатных и к тому делу пристойных на отпор неприятеля», 1000 человек. «*А естли какое их неприятельское намерение будет к тому городу, и они де и всем воиском радетелно со всеусердием будут стоять против тех неприятелей*¹⁸», — заверили донцы государя в конце своего письма. Из Воронежа вести донцов переправили в Москву. О содержании письма были извещены приказы Посольский, Разрядный и Великой России, боярин и воевода Белгородского разряда Б. П. Шереметев.

В начале мая боярин и воевода А. С. Шеин писал к войсковому атаману «приятелю Фролу Минаевичю» и всему войску Донскому и просил прислать последние новости из Азова. Прежде всего воевода интересовался, прибыли ли большие неприятельские силы в Азов? Спрашивал он про калмыков в Черкассском, приходят ли они на государеву службу, и сколько человек? Для переговоров с калмыками и приглашения их под Азов был послан стольник Кирилл Пущин. Воевода осведомлялся, есть ли на Дону от него какие ведомости¹⁹? Аюка-тайша в очередной раз обманул русского царя. Кирилл Пущин привёл в Черкасский 3000 калмыков только 31 июля. Уже после взятия Азова.

Старооскольский полк Е. Е. Шлипембаха

На помошь Сергиеву первым должен был отправиться Старооскольский полк. 13 декабря 204 (1695) г. из Разряда в Белгород к боярину и воеводе Б. П. Шереметеву с товарищами послали государеву грамоту о сборе солдат Старооскольского полка, всего 1231 человек. Воеводе приказали дать в полк пушки, порох, свинец и всякие припасы, «чтоб им от Валуйки до того Сергиева города степью от воинских людей пройтиить было безстрашно и надежно, во всякой целости». В города Верхоссенский, Усерд, Волуйка направили стольника Алексея Калитина, в Старый Оскол стольника Леонтия Кокошина. Им было велено по наличным спискам собрать солдат, вместо умерших и выбывших прибрать из их домов детей, братьев и свойственников, отвести их в Волуйку, дать денежное жалованье по рублю человеку и передать полковнику Емельяну Шлипембаху. Списки были составлены по разборным книгам, информация в которых устарела и нуждалась в уточнении. В вышеназванных городах стольникам удалось собрать 809 человек, 423 солдата числились в нетчиках и беглецах. В Волуйке стольники выдали солдатам жалованье и передали полковнику Юрию Ферману, так как Шлипембах к тому времени в город ещё не приехал. О сборах стольники составили подробный отчёт, списки нетчиков и беглецов записали в тетради и отправили в Разряд.

Боярин Б. П. Шереметев написал воеводе Старого Оскола Матвею Офросимову, чтобы он выбрал 20 добрых подъемных лошадей из числа оставленных на корм и выслал их в полк Шлипембаха. В середине января 1696 г. подполковник Юрий Ферман, майор Юрий Крист с начальными людьми доставили из Белгорода в Волуйку пушки и полковые припасы. Полковник Е. Е. Шлипембах, получив указ о службе, выехал из Москвы 22 декабря и прибыл в Волуйку 21 января. Полковнику по указу надлежало с солдатами и начальными людьми без промедления выступить из Волуйки в Сергиев, чтобы прийти туда заранее, до прихода в Азов неприятельских воинских людей. Шлипембах сказал стольникам Кокошину и Калитину, что идти ему на Дон не с чем — нет подвод для пушек и полковых пушечных припасов. Волуйский воевода А. Рагозин отказался выдать подводы, так как не получил об этом никакого распоряжения от боярина Шереметева. «И за тем походу

учинилось мотчанье», то есть промедление. В Старый Оскол повторно была послана грамота о срочной отправке подъёмных лошадей. Воеводе Офросимову строго наказали передать лошадей поручику полка с распиской, дать провожатых в дорогу и выслать немедленно в Волуйку. Поручику велено ехать с лошадьми «денно и ношно, с великим поспешением». В Разряде заинтересовались воеводой Офросимовым: почему он долгое время не высыпал лошадей? Послали ему грамоту, чтобы письменно объяснил причину задержки. 26 января полк Шлипембаха выступил из Волуйки в Сергиев²⁰.

23 марта в Разряде Т. Н. Стрешнев слушал выписи с книг стольников А. Калитина и Л. Кокошина о сборе солдат Старооскольского полка. По приказу боярина в города были посланы подьячие Поместного приказа. Им повелевалось сыскать солдат, которые подставой, самовольно послали вместо себя детей своих, братьев и наёмщиков, скрывались от смотра, бежали с дороги, и учинить им наказанье — бить батогами. После этого собрать дезертиров, отвести в Воронеж и передать в полк А. С. Шеина. Система учёта военнослужащих, их детей и свойственников, распределения поместных земель отличалась сложностью и несовершенством. В Белгороде Б. П. Шереметев получил грамоту из Разряда о направлении в вышеназванные города двух полковников для проведения ревизии. Им поручалось узнать о солдатах, которых перевели в копейщики, стрельцы и казаки: когда и по каким указам или грамотам их перевели в другие службы? Умершие солдаты были бездетны, или у них остались малолетние дети? Кто и за что отставлен от службы? Больных солдат, которые не пошли в поход, велено досмотреть: какими болезнями они больны и давно ли? А также полковникам следовало выяснить о поместьях умерших и сбежавших ратников: кто и почему стал ими владеть²¹?

Стольники А. Калитин и Л. Кокошин получили аналогичный указ о дезертирах. Им было велено в вышеназванных городах отыскать всех до одного беглых солдат и нетчиков. Вместо умерших и выбывших прибрать детей и свойственников и дать им государево жалование из денежной казны, которая осталась у них после раздачи. Беглецов за побег наказать — бить батогами. Солдат отвести в Воронеж и передать в полк А. С. Шеину. Стольников настрого предупредили, если они сделают чего помимо указа или «учинят какую поноровку»,

то от великого государя будут «в великой опале и разорении безо всяко-го милосердия и пощады»²².

Некоторые подробности перехода полка из Волуйки в Сергиев узна-ем из отписки Шлипембаха от 10 февраля. Он отправил её с волуйским почтарём после форсирования речки Боровой под Боровским донец-ким городком. «*А ныне, государь я, холоп твой, на твою, великого государя, службу в Новой Сергиев город с полком, с начальными людьми и с салдаты иду днем и ночью. А всякою твою, великого государя, полковую казну и всякие полковые припасы салдаты везут на себе для того, что зимнего пути нет, и на санях итти невозможно. А под пушки и подо всякия полковые припасы калес и телег купить не даву-дешь. А с Волуйки мне, холопу твоему, под пушки колес и подо всякой полковой припас не дано. И твоим, великого государя, казенным лоша-дям на корм и на всякия полковыя припасы мне, холопу твоему, денег не дано ж. А как я, холоп твой, с полком пришел в донецкой Краснян-ской городок, и солдаты, государь, моего полку многие разбежались*»²³. Под отпиской полковник составил роспись полковых припасов, при-ложил списки начальных людей и солдат, которые сбежали с дороги. В полку находились: 10 знамён, 4 медные пищали (пятую испорченную пищаль оставили в Волуйке), 9 бочек пороха, 7 корыт свинца, 250 ядер, 180 мушкетов с жакрами, 20 барабанов, 10 пудов фитиля, 20 железных лопат. «*Начальные люди*» полка, офицеры, были в большинстве «ново-креиценые» иностранцы. Фамилии заграничным военным оставили без изменений, а имена и отчества переделали на привычные русские. Беглых солдат набралось 57 человек. Отписку Шлипембаха получили в Москве 27 февраля.

В Разряде были крайне обеспокоены, что Старооскольский полк задерживался в пути. Аким Ржевский неоднократно писал в Москву, что «*силы бусурманские в Азов пришли конные и пешие многие, и хотят приступать к Сергиеву, и башен доставать всеми своими силами*». 24 февраля и повторно 2 марта из Разряда воеводе Ржевско-му послали грамоты, чтобы он по приходу в город допросил полков-ника Шлипембаха: «*Для чего он на нашу, великого государя, службу шол с полком своим дорогою мешкатно, и где, и зачем мешкал? Так ж, для чего не взял под пушки и подо всякую казну телег и колес? И худую пушку для чего не разсмотря принял? Или ту пушку принял полку ево*

начальной человек? И того начального человека о том о всем потому же допросить. Воевода Ржевский не мог исполнить государев приказ, 24 февраля он умер.

Одна из выданных старооскольцам пищалей оказалась поврежденной — «на боку сквозная язвина». Стрелять из неё невозможно, поэтому её оставили в Волуйке. Порча государственного имущества и служебная халатность являлись основанием для проведения следствия. Помимо приказов в Сергиев и к Шлипембаху из Разряда послали грамоту в Белгород дьякам Любому Судейкину и Петру меньшому Исакову. Дьяки помогали по службе и замещали при отъездах Б. П. Шереметева. Им необходимо было выяснить, когда и кем была попорчена пушка, почему Шлипембаху не дали в Волуйке телег под пушки, и почему не выделили денег для похода²⁴?

Дьяки Судейкин и Исаков 8 апреля отправили отчёт в Москву. Они сообщили, что 22 декабря 204 (1695) г. по грамоте из Разряда было велено боярину Б. П. Шереметеву дать в Белгороде в Старооскольский полк Е. Шлипембаха для прохода до города Сергиева пушек, зелья, свинца и всяких припасов, «что чего пристойно». После Казыкерменского похода артиллерию Старооскольского полка приняли по описи и оставили на хранение в белгородском амбаре. О повреждённой пищали в приёмных книгах не было сделано никакой отметки. Майор Юрий Крист после осмотра 10 медных пищалей отобрал для похода 5 пищалей на станках. О том, что одна из пищалей «худая, с язвиною сквозная, и стрелять из нее немочно», майор ничего не сказал и письменно не заявил. Возможно, майор выбирал орудия недостаточно внимательно и не заметил повреждения. Дьяки отметили, что пищали, которые остались после майора, все на станках и с колёсами. У майора была возможность выбора. 29 декабря майора Криста с пищальями и с полковыми припасами по распоряжению Б. П. Шереметева отпустили в Волуйку на санях, так как стояла зимняя пора. Опись пищалей с описанием длины и веса, сколько к ним ядер, зелья и свинца, всяких припасов и ружья боярин и воевода отправил в Разряд. Дьяки в конце отписки сообщили, что полковник Шлипембах в Белгород о телегах под полковые припасы и колёсах «для летнего ходу» под пушки не писал²⁵.

22 марта Емельян Шлипембах с полком пришёл в Сергиев. От полковников Ф. Толбугина и Ю. Буша он получил приказ из Разряда

о своём допросе. Ему повелевалось быть послушным и рассказать полковникам, почему он с полком в дороге шёл «мешкотно», где и зачем медлил. Велено также доложить о телегах и колёсах, о «худой» пушке, указать сколько начальных людей и рядовых солдат явилось в Сергиеве налицо, составить список нетчиков и беглецов. Возможно, в приказной избе Шлипембах своим сотоварищам на словах подробно поведал о тяготах дороги и испорченной пушке. Но ничего об этом он на бумаге не изложил. К своему короткому донесению полковник приложил списки не явившихся на службу, беглецов и умерших в дороге. Сказку Шлипембаха со списками, расспросные речи майора Ю. Криста, распись полковым припасам полковники Толбугин и Буш отправили с почтой в Москву. В Сергиев Шлипембах привёл 21 начального человека и 692 солдата. В пути умерли подполковник Юрий Ферман, капитан-поручик Пётр Есмонт, 6 солдат. Всего в полк не явились, бежали и умерли в дороге 5 начальных людей, 217 солдат²⁶. Полковник не записал в нетчики тех, у кого были причины неявки на службу: больных, старых, инвалидов, умерших бездетными, переведённых в другие службы, в крестьяне. Таким образом, из назначенных по наряду 1231 в Сергиев пришли 692 человека, чуть больше половины. На дорогу от Волуйки до Сергиева (около 400 км.— А. Ч.) полк затратил почти два месяца.

Сводная таблица личного состава Старооскольского полка, направленного зимой 1696 г. в Сергиев, по данным Е. Шлипембаха.

название	по наряду, чел.	в полк не явились, чел.	привели стольники в Волуйку, чел.	бежали по дороге в Сергиев, чел.	умерли в дороге, чел.	налицо в Сергиеве, чел.
«начальные люди»						
подполковник	1	-	-	-	1	-
майор	1	-	-	-	-	1
капитан	2	1	-	-	-	1
поручик вместо капитана	2	-	-	-	1	1
поручик	8	-	-	-	-	8
прапорщик вместо поручика	3	-	-	-	-	3
прапорщик	9	2	-	-	-	7
ИТОГО:	26	3	-		2	21

название	по наряду, чел.	в полк не явились, чел.	привели столынику в Волуйку, чел.	бежали по дороге в Сергиев, чел.	умерли в дороге, чел.	наличо в Сергиеве, чел.
солдаты						
верхососенцы	197	10	100	-	-	100
усердяне	238	9	160	12	3	147
волуйчане	190	18	21	-	-	3
старооскольцы	606	80	521	82	3	442
ИТОГО:	1231	117	809	94	6	692

По донесению Е. Шлипембаха от 20 апреля, боярин Т. Н. Стрешнев 14 июня 204 (1696) г. послал в Белгород к боярину и воеводе Б. П. Шереметеву указ. К указу была приложена роспись солдат Старооскольского полка, которые не явились на службу и бежали с дороги. Боярину приказали направить в города Белгородского разряда полковника для сыска дезертиров и доставки их в Белгород. За побег и неявку на службу велено «учинить им наказание — бить батоги нещадно, чтоб им и иным неповадно было так бегать»²⁷. О беглецах и нетчиках Старооскольского полка из Разряда уведомили боярина и воеводу Большого полка А. С. Шеина и спросили его, оставить их в полку Шереметева или выслать под Азов в полк Шлипембаха?

Город Сергиев выстоял и выполнил отведенную ему роль плацдарма во втором Азовском походе. 19 мая 1696 г. к Сергиеву причалил первый караван судов с царём Петром и генералом П. Гордоном с полками. Солдаты «немедленно приступили к постройке около Никоновской каланчи, что на острове, гораздо большаго против прежней объема»²⁸. Крепость у правобережной каланчи назвали «Никоновской город».

Незаконченная история донских каланчей

Где находились башни-каланчи, как они выглядели? Никаких остатков каменных башен и земляных укреплений вокруг них не сохранилось. На берегу Дона нет никакого памятного знака, указывающего на исторический объект и военные события трёхвековой давности. Турецкие каланчи Шахи и Султанийе входят в Список археологических памятников Азова, состоящих на государственной охране. В Азовском историко-археологическом и палеонтологическом музее-заповеднике есть макет с башнями-каланчами. В официальных источниках

местонахождение каланчей определено так: на правом и левом берегу основного рукава дельты Дона выше отхождения рукава Каланчи. В некоторых источниках добавлено: примерно, где раньше происходил обмен слов, в советское время действовал паромный перевоз в станицу Елизаветинскую, и где стоят опорные башни ЛЭП. От паромной переправы до опор ЛЭП расстояние около 800 м. Для башни размером 20–30 м это слишком низкая точность определения места.

Летом 2004 г. сотрудники археологической экспедиции Азовского музея-заповедника А.Н. Масловский и И.Р. Гусач произвели и обследовали сборы фрагментов турецкой и крымской посудной керамики из холма песка, намытого земснарядом со дна реки в 150–200 м к юго-востоку от левобережной вышки ЛЭП. Найденные артефакты участники экспедиции связали с местонахождением левобережной каланчи. В непосредственной близости от места археологических сборов они наблюдали едва заметные разрушенные земляные укрепления, существовавшие в XVII — нач. XVIII вв. вокруг каланчи²⁹.

В августе 2015 г. экспедиция учёных ЮНЦ РАН произвела обследование подводного пространства, примерно 70 × 50 м, у левобережной башни ЛЭП. В результате подводной разведки со дна гирла Каланчи были подняты массивные камни. В отчёте экспедиции сделан вывод, что под водой обнаружен фундамент западной башни-каланчи³⁰.

Информации о местонахождении правобережной каланчи гораздо меньше. Некоторые историки считают, что её фундамент был затоплен в результате расширения русла Дона и никогда не будет найден. Но не все согласны с выводами специалистов. Например, организаторы и участники сайта «Меотиды и окрестности. История, культура, природа Нижнего Дона и Приазовья»³¹ собирают материалы и ведут самостоятельное расследование. Отчёты, обсуждения, фотографии экспедиций размещены на их сайте. Попробуем вместе с ними разобраться в спорном вопросе о местонахождении каланчей и проследим их историю от начала до конца.

В XVII в. отношения России с Турцией осложнялись разбойными действиями донских казаков. Казаки получали из Москвы поддержку — грамоты, жалованье, припасы. «Чтобы обезопасить Крым от казачьих набегов, крымский хан решил загородить казаком выход из Дона в Азовское море и с громадной армией в 50 000 чел. подошел к Азову.

Казаки не могли бороться с такой огромной армией, и татары в полтора месяца успели построить против устья протока Каланчи по обеим сторонам Дона две крепости и одну на Донце»³².

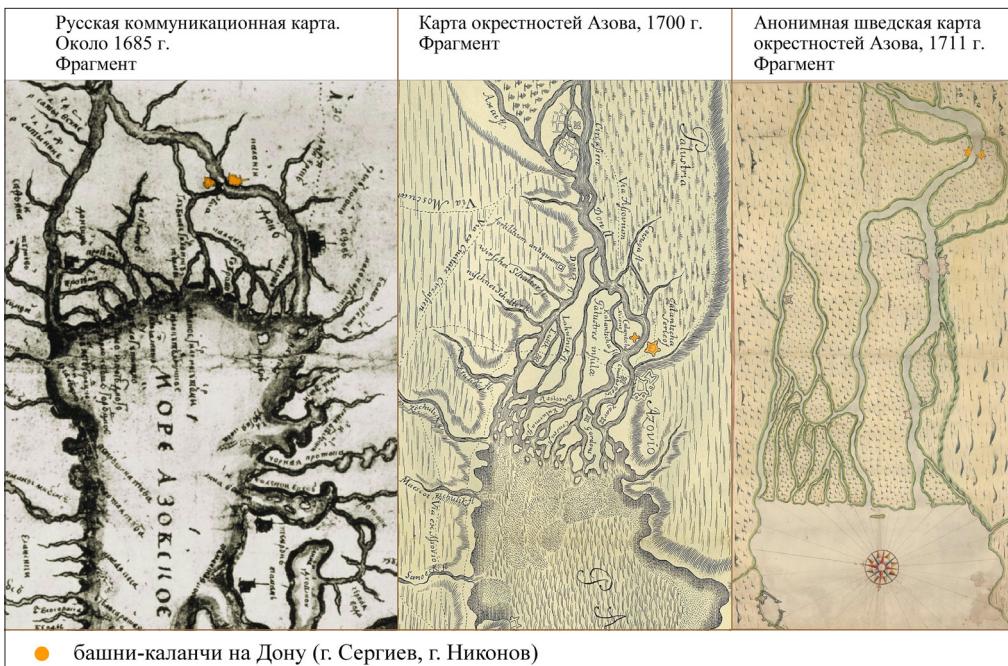
Первое подробное описание башен-каланчей сделал в 1669 г. турецкий путешественник Эвлия Челеби. При посещении Азова он был у башен и записал увиденное в «Книге путешествия»³³. Башня на азовской стороне (левобережной) Дона называлась «Башня Шахи», то есть шахская, построил её шах Мехмед-хан IV в 1071 (1661) году. В окружности она была 150 шагов (около 30 м в диаметре), высотой от земли 50 аршин. В верхнем ярусе башни поселился Сулейман-паша, янычарский ага, с сотней своих воинов «газиев-сорвиголов». В амбразурах размещались пушки. У подножия башни были сооружены из земли и укреплены дёром окопы. Пройдя по льду Дона 300 шагов (190–210 м.— А Ч.), турецкий путешественник оказался «на противоположной стороне второй протоки Дона, находящейся в пределах Московской страны». На правом берегу Дона стояла «вздымающаяся к небу Башня Султанийе», то есть сultanши, названа так в честь построившей её матери султана в 1072 (1661) году. Башня имела наверху ярус из толстых досок, покрытых высоким конусообразным куполом, бойницы для пушек и зубцы для укрытия. Внутри находилась соборная мечеть. По высоте, устройству, арсеналу, численности гарнизона Султанийе мало чем отличалась от расположенной напротив башни Шахи. Круглая прочная каменная башня Султанийе, по мнению Челеби, была похожа на Галатскую башню в Стамбуле. Обе донские башни со всех сторон охватывал глубокий ров с водой, по рву могли ходить лодки. Внутри укреплений находились арсенал, пороховой погреб, хранилище для пшеницы и проса, жилища из тростника и камыша для воинов. Янычары жили без семей. Челеби отметил, что в крепостях совершенно нет женщин, но весьма много «огланов» — мальчиков-рабов. Между башнями над Доном в три ряда были протянуты железные цепи толщиной в руку. Удерживали цепи громадные столбы из гранита. Натянутые до предела цепи не давали возможности пройти ни одной лодке, древесному стволу или дублёному челну.

На копии карты XVII в. (см. Рис. 1) неизвестный художник изобразил город Лютик и каланчи. Возможно, что такой облик они имели после завершения строительства. Для защиты Азова с севера в 1660 г. на реке

Рис. 1. Крепости Лютик и Каланчи
Копия карты XVII в. Неизвестный художник³⁴

Мёртвом Донце турки возвели каменную крепость «Сед-Ислам» или «Щит ислама». Русские называли её «Лютин», или «Лютик», по имени ерика, впадающего в Мёртвый Донец. Каланчи и Лютик закрывали основные водные пути к морю и контролировали Донскую дельту. Надписи «Никоновская» и «Сергиевская крепость» говорят о происхождении рисунка после 1696 года. Стоит обратить внимание на надпись снизу рисунка: «На Дону, на **перевозе** (выделено нами.— А. Ч.), по обе стороны реки турки поставили две башни».

● башни-каланчи на Дону (г. Сергиев, г. Никонов)

Рис. 2. Фрагменты карт устьев Дона, Азова и окрестностей кон. XVII — нач. XVIII вв.
Коллаж автора

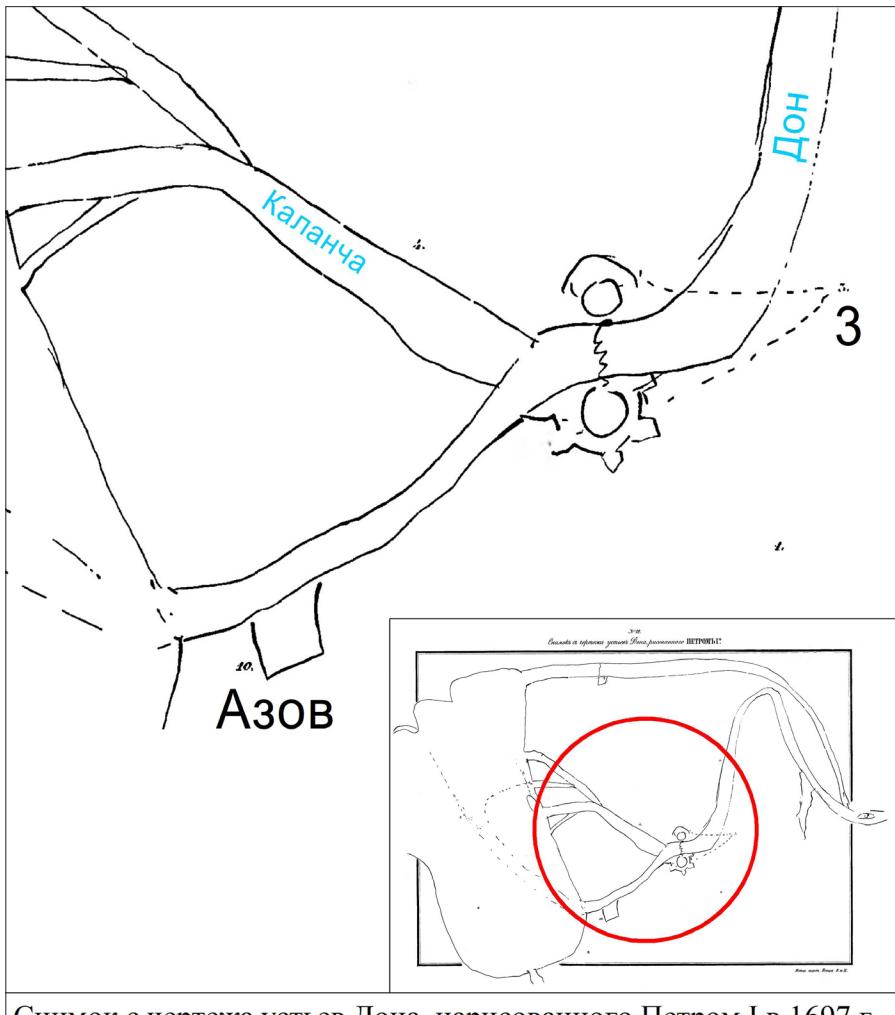
Огибая южную оконечность острова Елизаветинского, Дон отделяет от себя влево широкий рукав, называемый Старым Доном, а сам, сохранив северное направление, принимает название Каланчи. За свою недолгую историю существования башни-каланчи много раз изображались на картах, планах, рисунках. На картах их показывали в разных местах, так называемого, «Каланчинского колена»: у гирла (устья) Каланчи, у изгиба Дона посередине, см. Рис. 2. Подобные карты выполнены с упрощениями, имеют невысокую точность, делать по ним строгие выводы о местонахождении каланчей не следует. Именно это отсутствие единства в изображении каланчей дало повод для последующих сомнений и споров.

Обратимся к письменным источникам. Что находилось рядом с каланчами? Какие объекты местности косвенно указывают на их положение? Известно, что каланчи стояли «на перевозе». Где лучше всего на реке устроить перевоз или переправу? Во-первых, в самом

узком месте. Желательно, чтобы берег у выходов переправы был крепким и меньше разрушался. Во-вторых, чтобы до переправы можно было легко добраться, то есть там, где есть дороги или можно их проложить. Переправа через Дон под Азовом была известна русским издавна. В 1570 г. в Турцию был направлен царский посол И. Новосильцев. С тех пор у места, где от главного русла Дона отделялась протока Каланча, стал происходить обмен послами между турецкой и русской сторонами. «Именно от этого места, как доносил в Москву в 1592 г., ехавший в Турцию посол Г. Нащокин, то есть «от Каланчи», «кото-
рые... донские атаманы и казаки провожали нас, и те воротились как
пришла встречка из Азова»³⁵. И во второй половине XVII в. граница турецких владений по-прежнему проходила у «каланченского верхнева-
устья на перевозе, где послов принимали и отдавали». Из сказанного
следует, что гидроним «Каланча» существовал задолго до строитель-
ства двух башен-каланчей.

В начале XVII в. в устье рукава Каланчи стояла сторожевая башня. Осенью 1625 г. в Москве в Посольском приказе расспрашивали дон- ского атамана Алексея Старово и казаков. Летом того же года атаманы и казаки войска Донского ходили на Чёрное море к турецким городам. Во время их отсутствия азовцы сожгли на Дону 5 городков и убили людей на караулах. Казакам стало досадно, и они по возвращении с моря пошли «с приступом к Азову, да и для того, что на Каланче постави- ли башню и ходу них на море помешали». После двух штурмов Азова донцы отступили, взять город не получилось. «А на завтрее де того
дни приступали к башне (казаки.— А. Ч.), что на Каланче, и тое баш-
ню взяли, и нарядъ, 9 пушек, поимали, а людей, которые на той башне
сидели, побили, а башню роскопали всю до основанья, и камень в воду
потопили...»³⁶ Уж не камни ли этой башни нашли водолазы научной
экспедиции около опоры ЛЭП? Государевы посланники в Крыму полу-
чили выговоры от крымского царя и калги, что донские казаки ходят
под турецкие города и крымские улусы, громят города и сёла и «поби-
вают» людей. Не один раз государь писал на Дон, чтобы атаманы и казаки не жили «самовольством» и на море не ходили, потому что он с турецким султаном и крымским царём «в дружбе и в любви».

Усилия турок накрепко запереть выход к морю не имели успеха. В обход Азова казаки прокопали ерик, который назвали Казачьим.

Снимок с чертежа устьев Дона, нарисованного Петром I в 1697 г.
Из тетради, принадлежавшей голландскому купцу Вилде.

Экспликация: 3 - *Les fortresses dont le Czar s'empara l'annee d'avance et qu'il fit doublment fortifier/ Крепости, которые Царь захватил годом ранее и вдвое усилил.*

Рис. 3. Фрагмент чертежа, нарисованного Петром I в тетради Вилде⁴⁰
Коллаж автора

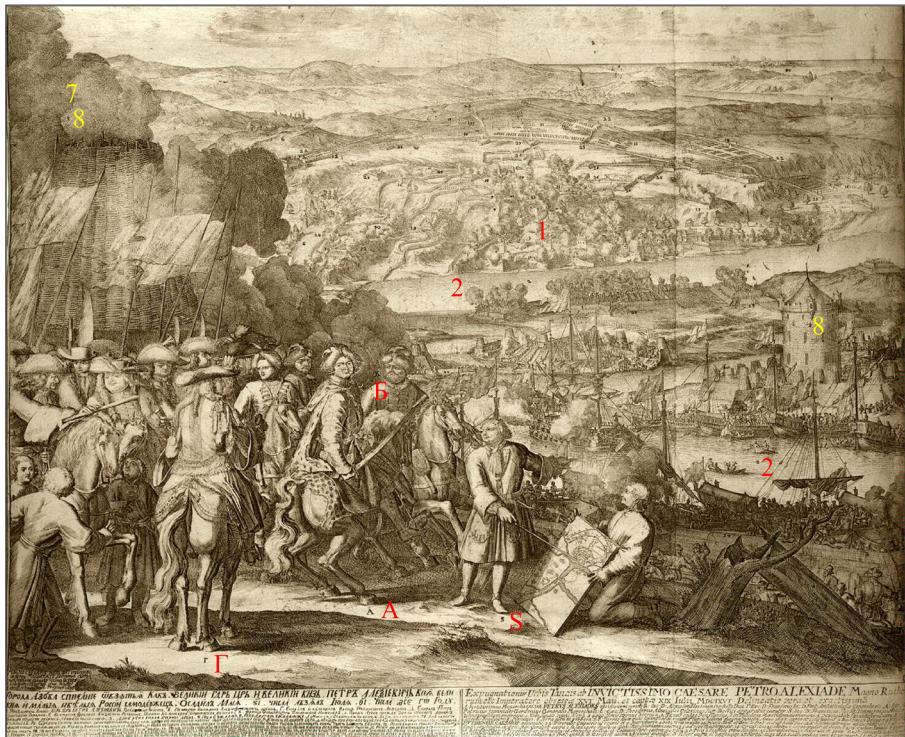
Он соединил Дон с рукавом Каланчой. По ерику казаки получили возможность выходить в море, минуя турецкие заслоны. В 1661 г. российское правительство в помощь казакам направило на Дон войска под командованием воевод Семёна и Ивана Хитрово. В августе того года донцы вместе с государевыми ратными людьми ходили под каланчинские крепости, «которые поставил вновь крымский хан. И учиня шанцы, над теми башнями промысл чинили и верхний бой с башен сбили»³⁷. Государь Алексей Михайлович «похвалял» казаков за службу и промысел под каланчинскими башнями. Укрепляя окрестности Азова, турки напротив устья Казачьего Ерика поставили редут, а сам ерик засыпали. В апреле 1662 г. казаки при поддержке ратных людей И. Хитрово раскопали Казачий Ерик и на 26 стругах вышли в море.

В 1672 г. донцы снова ходили под азовские каланчи, одну из башен «сбили»³⁸.

В сентябре 1673 г. донские атаманы и казаки писали государю, что они всем войском с думным дворянином Иваном большим Савостьяновичем Хитрово и воеводами ходили под каланчинские башни. «И из шанец из галанок и из полковых пушек по башням по многие дни стреляли, и в башнях многих неприятельских людей побили и, раскопав Казачей ерек, на Каланчинский остров наших, великого государя, ратных людей и казаков пропустили, и те ратные люди и казаки, будучи на том острову, водяной путь от Азова к башням отняли»³⁹. Государь всех «жаловал и милостиво похвалял». Турки после боёв 1672–73 гг. починили и укрепили башни, вокруг возвели земляные укрепления.

Множество рисунков, планов и карт, на которых изображены каланчи, было выполнено после осады и взятия Азова русскими войсками в 1695–96 гг. Рассмотрим некоторые из них. На чертеже устьев Дона, который нарисовал самолично Пётр I, показаны каланчи. Они расположены на берегах главного русла, одна напротив другой. Между каланчами через реку, вероятно, натянута цепь.

На переднем плане гравюры А. Шхонебека «Осада турецкой крепости Азов русскими войсками в 1696 г.» (см. Рис. 4) изображена конная группа участников взятия Азова: посередине на коне с саблей в руке Пётр I, справа от него — А. С. Шеин, слева — П. А. Толстой, М. Б. Шереметев, Ф. Я. Лефорт, А. М. Головин, Ф. А. Головин, П. Гордон. Голланд-

Города Азова списание о взятии как великий государь царь и великий князь Петр Алексеевич вся великия и малыя и белья России самодержец осадил майя 16(16) числа и взял июля 17(19) ЗСЕ (7205/1697)-го году. А. Победитель великий государь Петр Алексеевич. Б. Полковой боярин Алексей Семенович Шеин. Г. Енерал и адмирал Франц Иаковлевич Лефорт. С. Франц Федорович Темерман инженер. 1. Город Азов прежде звали Танаис. 2. Дон река, впада в Черное море. 7, 8. две каланчи..., которые были пропитаны тремя пемами железными, и русские люди держали зиму всю.

A. Шхонебек. Осада турецкой крепости Азов русскими войсками в 1696 г. (Эрмитаж)

Рис. 4. Гравюра А. Шхонебека, 1699 г.

ский учитель Петра инженер Ф. Тиммерман показывает государю план осады и взятия Азова. Создание данного плана приписывают инженеру барону фон-Боргсдорфу. Позже план был приложен к сочинению Сигфрида Байера об Азове. За группой людей виден Дон, разделяющийся на рукава. На реке — корабли русского флота. За рекой стоит каланча Султанийе. Башня Шахи, должно быть, находится за группой людей и скрыта дымом. Далее изображена Азовская крепость, лагерь русских полков, на горизонте фрагмент Чёрного моря. Местность художник рисовал явно не с натуры, так как наблюдать из одной точки одновременно все изображённые на гравюре объекты невозможно. Общий

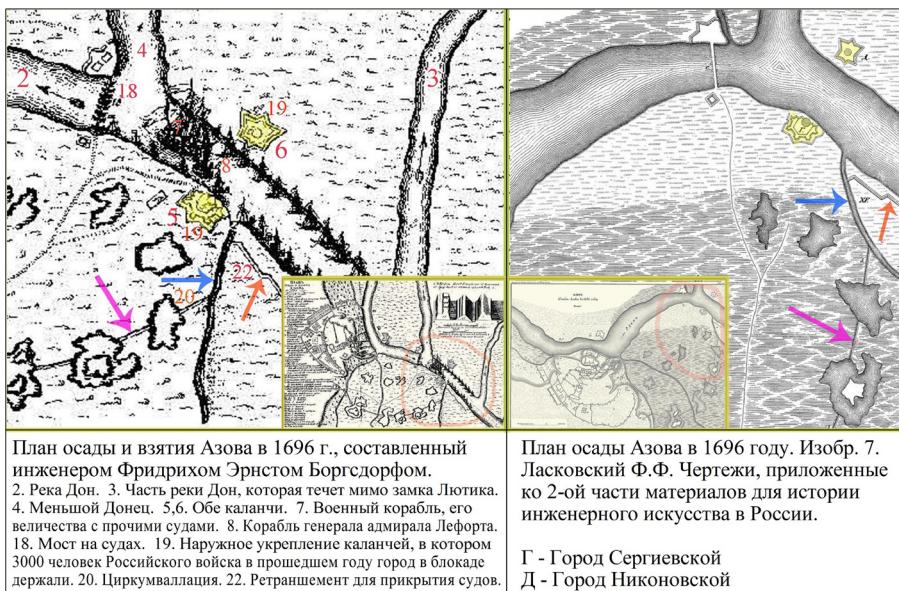

Рис. 5. Сравнение карт Ф. Боргсдорфа и Ф. Ласковского
Коллаж автора

вид для наглядности был создан путём искривления плоскостей. Возможно, что в качестве исходного материала Шхонебеку послужил план Боргсдорфа.

Большинство карт областей России в конце XVII — начале XVIII вв. выполнили заграничные инженеры, приглашённые на службу царём Петром. Этими картами пользовались военные и историки, по ним учились русские картографы. Карту Ф.Э. Боргсдорфа использовал при составлении планов осады Азова Ф. Ласковский⁴¹. Некоторые детали известный русский специалист по военно-инженерному искусству просто скопировал (см. Рис. 5). Ласковский не ставил перед собой задачи показать точное расположение каланчей, главное его внимание было уделено Азову. На карте Боргсдорфа русло реки Дон изображено упрощённо — выпрямленным, без поворотов. Каланчи с внешними укреплениями находятся не в устье Меньшего Донца (*Каланчи.—А.Ч.*), а немного выше по течению. Рядом с левобережной каланчой от Дона отделяется протока без названия. От протоки вдоль реки тянется ретраншемент (*вал, укрепление.—А.Ч.*) для прикрытия судов.

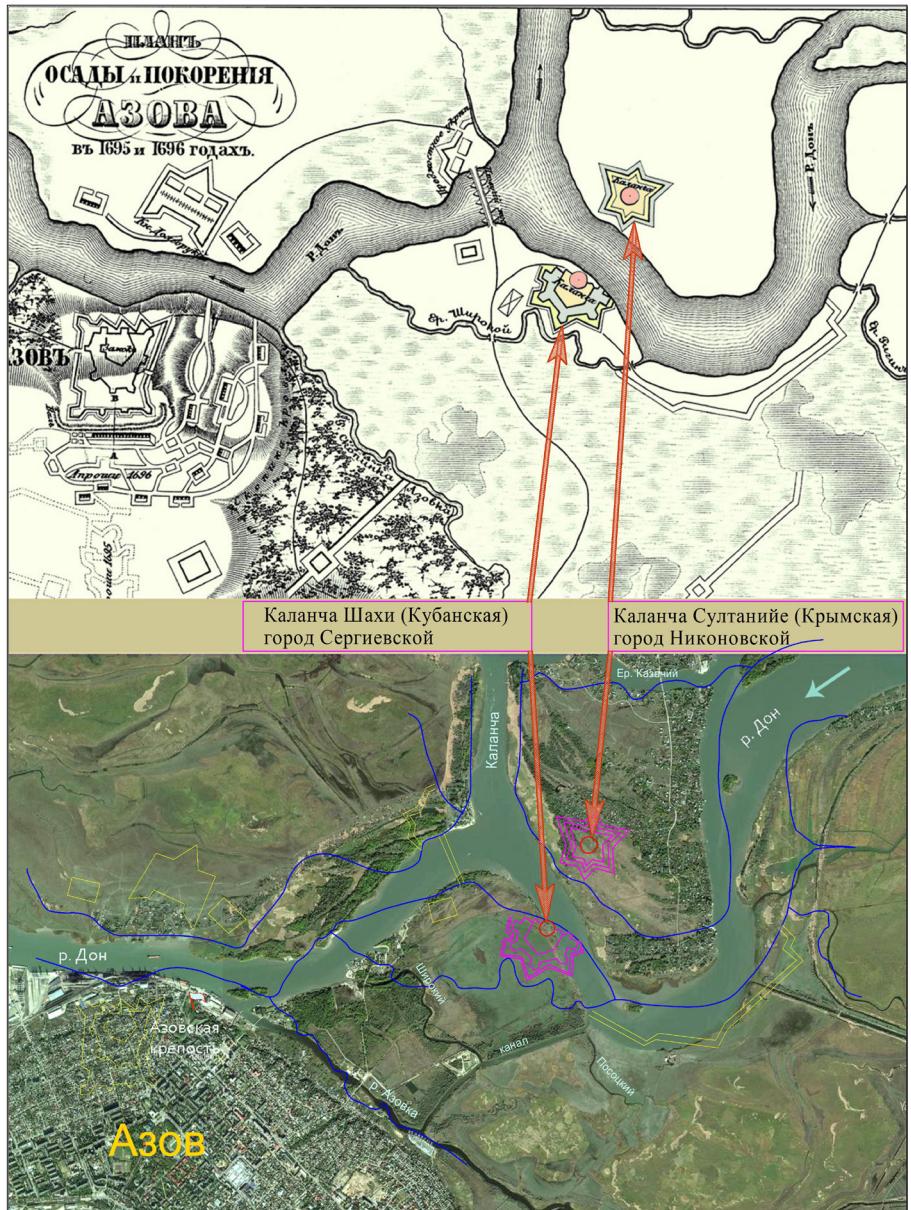

Рис. 6. Сравнение Плана осады и покорения Азова с картой Яндекс
Реконструкция автора

Среди документов Азовских походов хорошо известен «План осады и покорения Азова в 1695 и 1696 годах», приложенный к книге Н. Устрялова «История царствования Петра Великого»⁴². В комментариях автор пишет, что план взят из сочинения Байера об Азове. Совмещение плана с современной картой показывает невысокую точность первого. Отметим важную деталь на плане: левобережную каланчу с укреплениями огибает ерик Широкий. Ерик — извилистая, мелкая, неширокая протока. Ерики густой сетью покрывают поверхность заемщ Донской дельты, переплетаются между собой, образуют небольшие озёра и заболоченные места. Некоторые ерики являются временными и начинают работать только при подъёме уровня воды Дона. Ерик Широкий имел раньше непостоянный характер и неоднократно менял своё русло. Подобно кровеносной сети сосудов он оставил на местности между речкой Азовкой и Доном массу высохших русел. Следы от них видны на современных картах Яндекс и Google. Ответвления Широкого впадали в Дон в нескольких местах, верховья соединялись с ериком Посольским.

По указу 1700 г. новозавоёванные города Азов, Сергиевский и Никоновский с каланчинскими башнями, Петровский, Троицкий на Таганроге, Павловский, Миус перешли в ведение Разрядного приказа. По росписи 1709 г. в Азовскую губернию входило 52 города, в том числе Сергиевский и Никоновский. В 1710 г. в «Азовское присудствие» — небольшую территориальную структуру вокруг Азова — вошли Сергиевский, Никоновский, Петровский, Павловский, Миус, Таганрог⁴³.

После неудачной Прутской кампании в 1711 г. по условиям мирного договора с Турцией Россия возвратила туркам всё взятое в результате азовских походов с городами Азовом и Таганрогом и обязывалась ликвидировать азовский флот. Так закончился первый «русский» этап владения Азовом.

В начале марта 1736 г., во время новой русско-турецкой войны, главнокомандующий Б.-К. Миних прибыл в крепость Св. Анны и приказал войскам готовиться к выступлению в поход на Азов. Из крепости Миних послал лазутчиков разведать азовские каланчи. 13 марта передовой отряд русских войск переправился на левый берег Дона. На следующий день инженер-прапорщик Малыгин доложил Миниху,

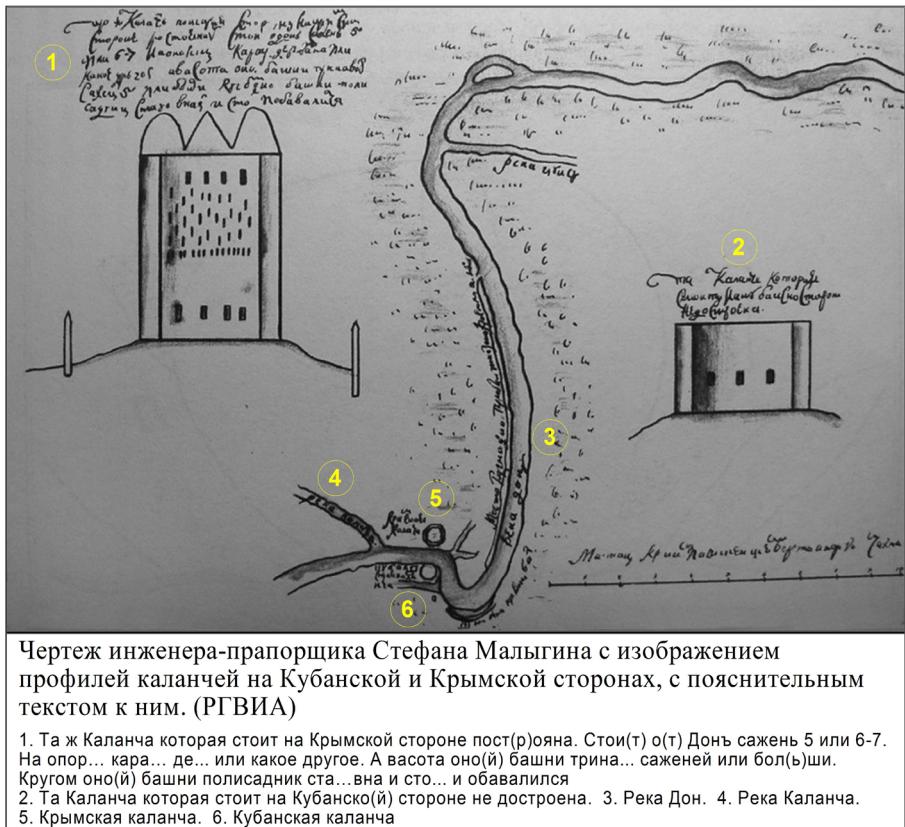

Рис. 7. Снимок с чертежа инженера-прапорщика Малыгина с изображением профилей каланчей и пояснительным текстом к ним
Коллаж автора

что две каланчи, защищающие подступы к Азову, полуразрушены, а их гарнизоны невелики⁴⁴. Отряд пехотинцев под началом генерал-майора фон Спарейтера в ночь на 20 марта 1736 г. атаковал и захватил левобережные укрепления. Гарнизон правобережной каланчи капитулировал без сопротивления. Благодаря внезапности нападения русские не потеряли ни одного человека. Доступ к Азову по воде стал свободным. Существует чертеж инженера-прапорщика Малыгина с изображением профилей каланчей и пояснительным текстом к ним⁴⁵ (см. Рис. 7). Наблюдательный разведчик подметил и отразил на плане-рисунке некоторые характерные особенности местности: изгиб Дона

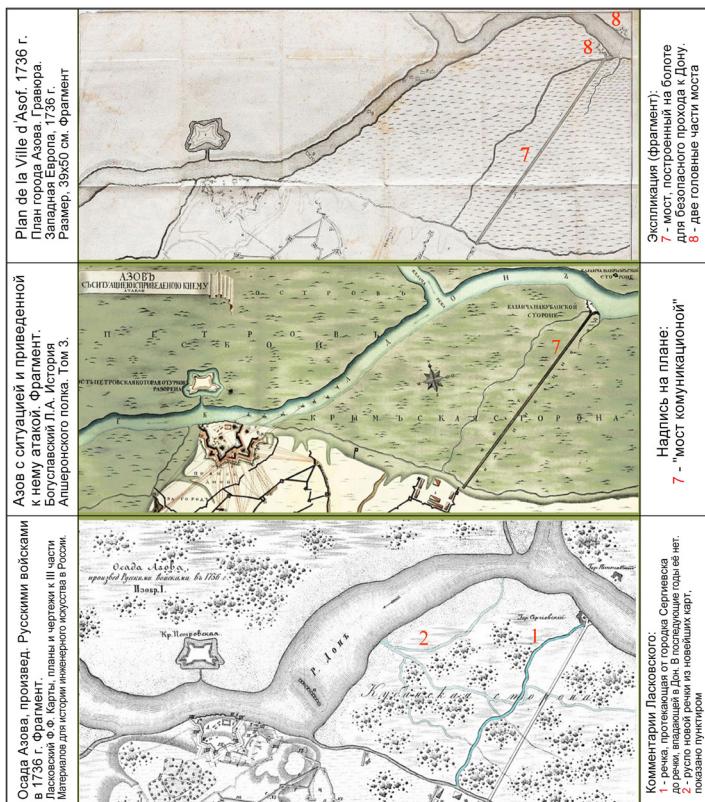

Рис. 8. Планы Азова и окрестностей 1736 г.

Коллаж автора

и протоки у каланчей. Изгиб реки столь незначителен, что на географических картах его не всегда показывали. Но, находясь непосредственно на берегу, за счёт преломления расстояния изгиб реки отчётливо выражен. Левобережная протока могла быть ериком Широким. На правом берегу Дона только в одном месте, недалеко от развалин бывшей рыбачкой «тони», есть ручей. Высока вероятность, что именно его увидел и показал на рисунке Малыгин.

Из карт Азовской кампании 1736 г. выделим «Plan de la Ville d Azof» (см. Рис. 8). На плане показаны укрепления у каланчей и переправа через Дон. Перевод экспликации к каланчам — «Две головные части моста» — констатирует, что башни стояли непосредственно у переправы через реку. От переправы к Азову проложен «коммуникационный

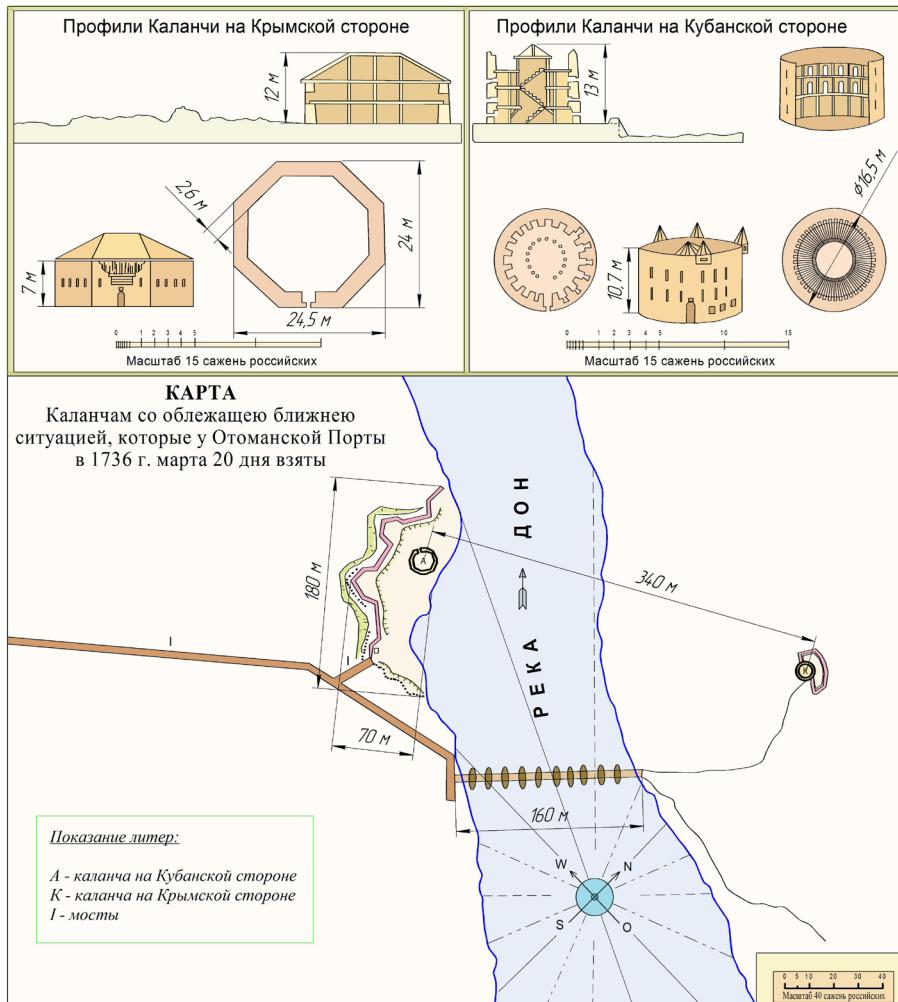

Рис. 9. Карта Каланчей с ближайшей ситуацией, которые у Оттоманской Порты в 1736 г. марта 20 дня взяты
Рисунок автора

«мост» — дорога для прохода и доставки грузов по заболоченной местности к лагерю русских. Возможно, это была невысокая насыпь земли с положенными поверх досками. В комментариях к плану осады Азова в 1736 г. Ф. Ласковский отметил, что по сравнению с планом 1696 г. на местности произошли изменения — появилась речка от Сергиевска до речки, впадающей в Дон. В новейших картах речка от Сергиевска

Рис. 10. Каланчи на картах 1736 г.

уничтожена, но как бы взамен появилось русло новой речки. На плане она показана пунктиром. Подобные изменения местности связаны с частыми разливами Дона, которые образуют новые русла для речек. «Конечно, некоторую часть этих изменений можно отнести к неверности тогдашних съемок местности и к несоблюдению надлежащей правильности и точности при составлении планов», — добавил историк⁴⁶.

Ведущий научный сотрудник Азовского музея-заповедника А. Б. Перепечаев является автором ряда книг и статей об Азове. В «Очерках истории Азова» на основании картографического и документального материала она рассказала о башнях-каланчах и впервые опубликовала снимок «Карты Каланчей с ближайшей ситуацией, которые у Османской Порты в 1736 г. марта 20 дня взяты»⁴⁷. На карте есть общий вид каланчей, показаны внешнее и внутреннее их устройство, укрепления, участок реки с переправой, мост (дорога) к Азову. Переправа через Дон возведена на судах. Определить в каком конкретно месте находились каланчи по данной карте невозможно, так как фрагмент реки слишком мал для привязки. Да и форма береговой линии за три столетия изменилась. Внешние укрепления Кубанской каланчи (Шахи) определяли границы Сергиева города. По масштабу карты вычисляем размеры города: длина вдоль реки 180 м, ширина не более 70 м. Ширина Дона в районе переправы 160 м. Расстояние между башнями примерно 340–350 м. В настоящее время ширина Дона

Рис. 11. Каланчи на карте 1740 г.

на данном участке 270 м. Это вселяет надежду, что фундамент правобережной башни находится на берегу и доступен для поиска. Возникает вопрос о небольшой высоте башен, 12–13 м. Челеби называл высоту Шахи 50 аршин — это примерно 35 м. Прaporщик Малыгин определял высоту Султанийе в 13 и более сажень — 27 м. Известно, что казаки и русские войска неоднократно обстреливали каланчи из пушек. Большие разрушения наносились преимущественно верхнему ярусу, где в основном размещалась артиллерия. Башни после боёв ремонтировали. А вот высоту едва ли восстанавливали, так как взять строительный камень поблизости от Азова было негде. Вероятно, на карте показаны подлинно полуразрушенные каланчи.

Соглашение о мире между Российской и Османской империей от 10 августа 1741 г. гласило: «крепость Азовская да будет подорвана, купно же крепостца Лютин и близ Азова лежащие каланчи да будут вовсе разорены, а земля той Азовской крепости останется пустая»⁴⁸. На сохранившихся картах конца XVIII в. информация о каланчах отсутствует. Это значит, что к тому времени они уже были разрушены. Одно из последних изображений каланчей с внешними

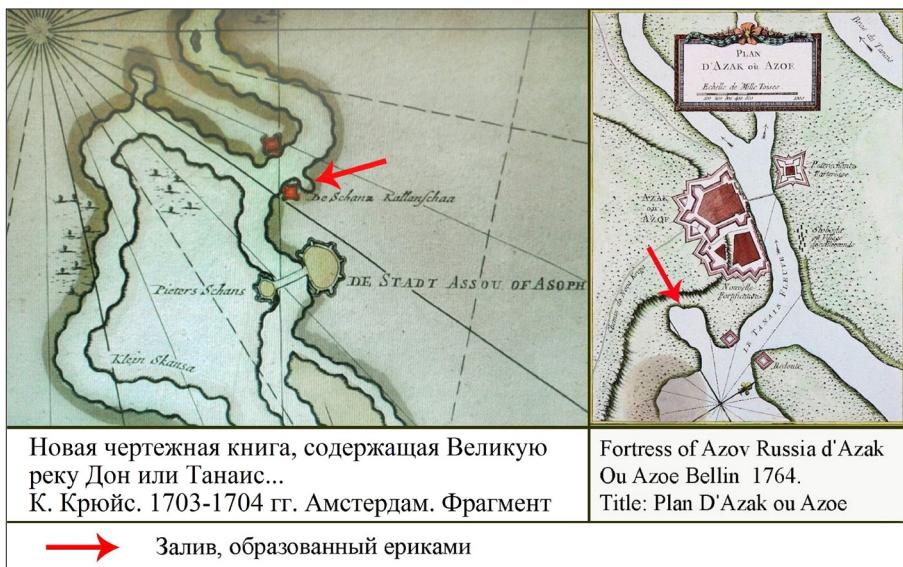

Рис. 12. Карты XVIII в.

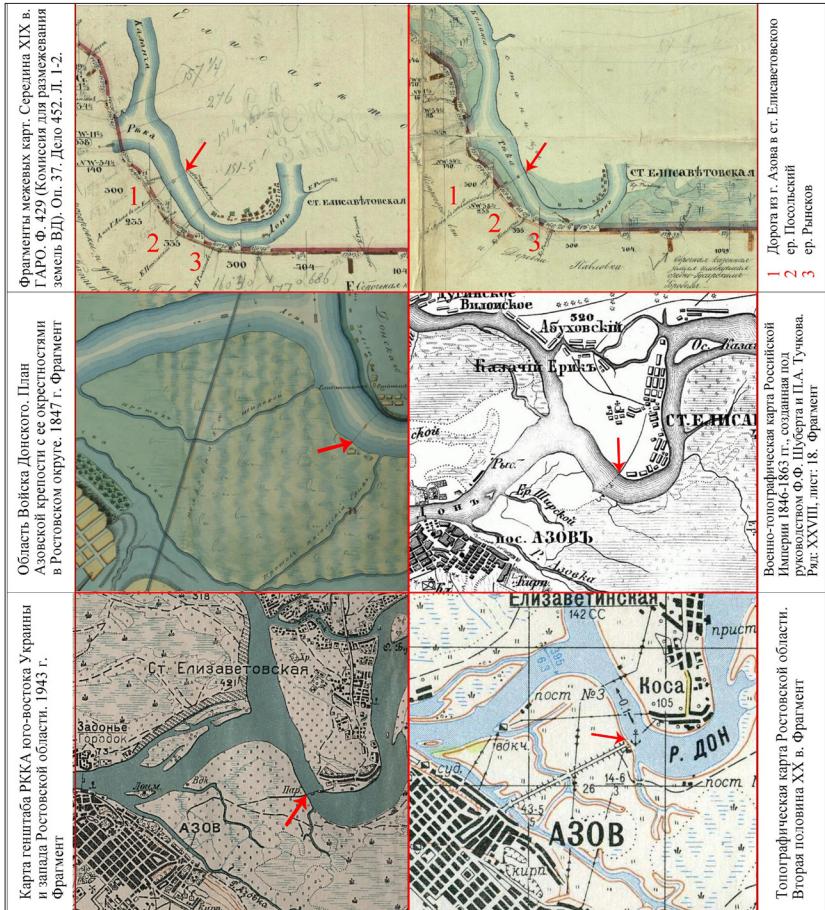
Коллаж автора

укреплениями можно увидеть на карте 1740 г., (см. Рис. 11). Левобережная каланча находилась между разводкой Дон-Каланча и ериками Посольским и Рыковым. Правобережная башня стояла наискось, чуть ниже по течению и на некотором расстоянии от берега. Неподписанный пучок проток — по-видимому, ерик Широкий.

На карте 1703 г. рядом с левобережной каланчой нарисован небольшой залив, (см. Рис. 12). Наверное, так условно показали объединённые во время разлива устья ериков Посольского и Рыкова. То же видим на карте 1764 г. Каланчей уже нет, на их месте — редуты.

Переправа через Дон на Елизаветинский остров действовала с середины XVI до конца XX века. Некоторые краеведы при определении местоположения каланчей считают главным ориентиром переправу, рядом с которой они стояли. И почему-то привязываются к паромной переправе, действующей в XX веке. Но всегда ли переправа находилась в одном месте?

В 1778 г. А. В. Суворов ехал на Кубань принимать командование корпусом. По дороге он посетил Азов и окрестности. У развалин турецких замков-каланчей по переправе генерал-поручик перебрался на левый берег Дона⁴⁹.

→ Переправа через Дон

Рис. 13. Переправа через Дон в XIX и XX вв.
Коллаж автора

После окончательного присоединения Азова к России в 1769 г. на Елизаветинском острове был образован Казачий Стан. Большая дорога от Азова через Дон на остров показана на «Генеральной карте Земли Войска Донского из атласа Теврюнникова 1797 г.», на «Подробной карте Российской Империи и близлежащих заграничных владений» 1816 г., на карте Шуберта и других. Нахождение переправы по ним можно определить лишь приблизённо.

Большой интерес представляют межевые карты середины XIX в.⁵⁰ (см. Рис. 13, верхний ряд). Они выполнены в мелком масштабе. На картах прорисованы русло Дона, области затопления, дома и огороды станицы «Елисаветовской», указаны координаты и расстояния. Показаны ерики Посольский и Рынковский (Рынковский), дорога из города Азова в станицу Елисаветовскую, переправа через Дон. От переправы к домам станицы идёт дорога. В настоящее время селение на юге острова носит название «Коса». При наложении межевой карты на современную отметим одну очень важную деталь: переправа через Дон находилась от хутора Косы значительно ниже по течению. На правом береге она выходила в месте, где в настоящее время стоят развалины рыбакской артели, «тони». Это означает, что в последующие годы переправу перенесли выше, ближе к населённому пункту. Она стала выходить и соединяться на берегу с главной и единственной улицей хутора Коса. Паромная переправа в этом месте действовала вплоть до конца XX века.

Местность, где несколько десятилетий действовала паромная переправа через Дон, активно использовалась. Повсюду здесь видны следы человеческой деятельности. Прокладывались дороги, берега отсыпались отходами местного кирпичного производства. Земснаряды в ХХ в. много раз чистили и углубляли русло Дона от отложений и наносов взвешенных частиц, принесённых течением. Форма береговой линии и ширина реки вследствие этих работ претерпели существенные изменения. У станицы Елизаветинской был намыт целый остров. Объединившись, Ерики Посольский и Рынковых приняли название «Посоцкий». В 1980-х годах между Доном и речкой Азовкой был прокопан водный канал. Вдоль левого берега от канала до опоры ЛЭП в настоящее время находятся заболоченные места, труднопроходимые заросли кустарника, камыша и густой пойменной травы. Среди рощиц и полян чакона встречаются едва заметные валы или насыпи неизвестного происхождения. Некоторые из них явно появились не так давно — намыты земснарядами при чистке Дона. На правом берегу реки ниже хутора Косы сохранились остатки фундамента существовавшей в середине ХХ в. рыбакской артели, «тони». Рядом с «тоней» находятся два ориентира — русло протоки и выход переправы середины XIX в., которые косвенно указывают на расположение правобережной башни-каланчи. Не исключено, что при её строительстве были использованы

— контур с межевой карты середины XIX в.

● Предполагаемое местонахождения каланчей.

1 - опоры ЛЭП. 2 - сухое русло ер. Широкого. 3 - правобережная протока.

4 - равалины рыбакской "тони". 5 - старая переправа. 6 - паромная переправа в XX в.
7 - г. Сергиевский (Сергиев), каланча Шахи. 8 - г. Никоновский, каланча Султание.

Рис. 14. Каланчи, города Сергиевский и Никоновский на современной карте
Реконструкция автора

битые камни некогда стоявшей неподалёку каланчи Султание. Около «тони» также находится большая пологая возвышенность, определённо когда-то кем-то насыпанная. Может быть, это бывшие укрепления города Никоновского? Напротив, на противоположном берегу реки,

Рис. 15. Фото реки Дон⁵¹
Коллаж с каланчами автора

просматривается пересохшее русло, по которому в старину протекал ерик Широкий. Он, как известно, огибал каланчу Шахи и город Сергиев. Таким образом, мы выяснили нахождение нескольких ориентиров, по которым можно определить местоположение каланчей. Данное положение в целом не противоречит и согласуется с результатами и выводами научных экспедиций Масловского и Гусача в 2004 г. и ЮНЦ РАН в 2015 г. На основании проведённых исследований на спутниковой карте нами выполнена реконструкция башен-каланчей с городами Сергиевский и Никоновский (см. Рис. 14).

Споры о местонахождении донских каланчей не утихают до сих пор. Подтвердить или опровергнуть ту или иную версию смогли бы масштабные археологические раскопки в данном районе. История каланчей не закончена и ждёт своего продолжения.

Ссылки

1. Патрик Гордон. Дневник, 1690–1695.— М., 2014.— С. 376–379, 391.
2. Имена, фамилии в тексте приведены в соответствии с написанием в оригинале.
3. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1417. Л. 37.
(В подорожной грамоте делалось исправление, что новый гонец поехал под именем прежнего.— А. Ч.)
4. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным.— Новочеркаск, 1891.— Т. 1. С. 175–178.
5. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1417. Л. 1–4.
6. Там же. Л. 5–16.
7. Там же. Л. 33–36.
8. Там же. Л. 59–65.
9. Там же. Л. 66–69.
10. Там же. Л. 70–73.
11. Там же. Л. 271–276.
12. Там же. Л. 287–291.
13. Там же. Л. 564–570.
14. Там же. Л. 822–833.
15. Там же. Л. 708, 777.
16. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1418. Л. 51–52.
17. Там же. Л. 20–24.
18. Там же. Л. 94–99.
19. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1415. Л. 254–256.
20. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1417. Л. 88, 336–344.
21. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1418. Л. 133–141.

22. Там же. Л. 840–845.
23. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1417. Л. 292–297.
24. Там же. Л. 300–301.
25. РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 1418. Л. 176–180.
26. Там же. Л. 18–19, 406–419.
27. Там же. Л. 428–432, 445, 562–564.
28. Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России.— СПб., 1861.— Ч. 2.— С. 68.
29. Гусач И.Р. К вопросу о датировке археологических сборов на местонахождении «Каланча» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на нижнем Дону.— Азов, 2006.— Вып. 21.— С. 497–516.
30. Отчет экспедиции ученых ЮНЦ РАН в 2015 г. <http://www.ssc-ras.ru/files/files/Exsped200815.pdf> (дата обращения 12.2016.)
31. www.meotyda.ru/node/433 Каланчи (дата обращения, 01.2017 г.)
32. Ногин И. Краткий исторический очерк Донского края.— Новочеркасск, 1914.— С. 126.
33. Текст воспроизведен по изданиям: Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века) // Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья.— М., 1979. — Вып. 2. <http://www.vostlit.info/Texts/rus10/Celebi5/text7.php?id=7009> (дата обращения, 12.2016 г.).
34. Размещено в книге: Федотов А.В. Алексиано. Панаюти Алексиано, или Греки Монемваси на службе России.— Екатеринбург, 2016. Нахождение оригинала неизвестно.
35. Минников Н.А. Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 г.) г.— Ростов-на-Дону, 1998.— С. 51.
36. Донские дела. Книга первая // Русская историческая библиотека.— СПб., 1898.— Т. 18.— С. 235–236.
37. Акты, относящиеся к истории войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным.— Новочеркасск, 1891.— Т. 1.— С. 69.
38. Там же. С. 81–82.
39. Там же. С. 84.
40. Устрялов Н. Карты, планы и снимки к первым трем томам Истории царствования Петра Великого.— СПб., 1858. Карта № 12.
41. Ласковский Ф.Ф. Карты, планы, чертежи к II части Материалов для истории инженерного искусства в России.— СПб., 1861.— Л. 2, 3.

42. Устялов Н. Карты, планы и снимки к первым трем томам Истории царствования Петра Великого.— СПб., 1858. Карта № 13.
43. Комолов Н. А. Азовская губерния (1709–1725 гг.): территория и высшие администраторы.— Ростов-на-Дону, 2009.— С. 10, 19.
44. Михайлов А. А. Первый бросок на юг. Битва за степь.— СПб., 2003.— С. 62–63.
45. Гусач И. Р. К вопросу о датировке археологических сборов на местонахождении «Каланча» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на нижнем Дону.— Азов, 2006.— Вып. 21.— С. 508.
46. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России.— СПб., 1865.— Ч. 3.— С. 985.
47. Перепечаева Л. Б. Очерки истории Азова. Вып. 3 Крепость и посад Азов (конец XVII — начало XX вв.).— Азов, 1995.
48. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года.— Т. 11. 1740–1742.— С. 527.
49. Соловьев В. А. Суворов на Кубани (1778–1793).— Краснодар, 1986.— С. 12.
50. Государственный архив Ростовской области. Ф. 429. Оп. 37. № 452. Л. 1–2.
51. Фото с сайта <http://meotyda.ru/node/443> (автор Соколов А. О., дата съемки 09.2011 г.).